

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев».

127051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96., тел./факс: (095) 925-92-48

Издается с разрешения издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main.

Главный редактор
А.Ю. Штамм

Заместитель главного редактора
В.Ж. Цветков

Ответственный редактор
Ю.С. Цурганов

Ответственный секретарь
Г.В. Кокунько

Редакционная коллегия:
К.М. Александров, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмов, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, А.Б. Зубов, О.А. Кузнецова, Б.С. Пушкарев, А.Р. Редлих, Р.Н. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, М.В. Славинский, Л.А. Фостер, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

107031 Москва, К-31,
Ю.К. Амосову (для «Посева»);

197101 С.-Петербург, П-101, а/я 920,
Александру Юрьевичу Штамму

Телефон/факс в Москве:
(095) 925-92-48,
в С.-Петербурге:
(812) 233-09-23.

E-mail: posevru@online.ru; posev@online.ru;
shtamm@mail.wplus.net

<http://www.posev.ru>

Адрес филиала редакции за рубежом:
Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. **34-7355**; Fax **34-3841**.
<http://home.t-online.de/home/posev-ffm/posev.htm>
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев»

ISSN 0234-8284

Макет и оформление
С.А. Стулов

Корректор
А.Ю. Котова

Редактор по электронной обработке
А.Н. Моренко

Технический редактор
Т.А. Кустодиева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Редакция в переписку с авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов «Посева» ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 4 (1507) апрель 2003 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издается в Москве

Поздравляем всех читателей «Посева» со светлым праздником Пасхи ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Содержание:

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

- Юлий Рыбаков:** «От осознания каждым своей ответственности зависит будущее страны» **2**
Александр Штамм Сделано в СССР **5**
Константин Стрельцов Ну и зачем нам этот референдум? **6**
Александр Юрьев Ирак: война, которой могло бы не быть **7**
Мирон Амуся, Марк Перельман Политика и мораль – суть вещи несовместные? **9**
РОССИЕВЕДЕНИЕ
Борис Пушкарев Российский солидаризм: вчера и сегодня **11**

- 46-я КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОСЕВА»**
Ирина Роднянская София-«хозяйка»: С.Н. Булгаков как ранний критик потребительства **18**

- ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ**
Сергей Маркедонов Апрельская увертюра октября **23**
Андрей Хомяков Занимательное обществоведение переходного периода **25**

- НАШЕ НАСЛЕДИЕ**
К 120-летию со дня рождения И.А. Ильина
Михаил Тюренков «Поющее сердце» Ивана Ильина **29**

- ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ**
Игорь Чубайс Россия и Запад в меняющемся мире **30**
Андрей Зубов «Упадок и сомнительное исцеление России» **35**

- ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ**
Александр Алекаев: «Необходимо вернуться к традиционным для российской государственности ценностям» **44**

- КНИГИ И ЛЮДИ**
Юрий Цурганов «Русская Прага» **46**

- ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ**
Роман Шухевич Шестьдесят лет начала Власовского движения **48**

ЮЛИЙ РЫБАКОВ: «ОТ ОСОЗНАНИЯ КАЖДЫМ СВОЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ СТРАНЫ»

БЕСЕДА С ДЕПУТАТОМ ГОСДУМЫ

В исторической России государственные деятели, начиная с Екатерины Великой, правоведы и общественность последовательно боролись против пыток арестованных, подследственных и заключенных. Надо сказать, что борьба эта к 1906–1907 гг. увенчалась успехом, чему немало способствовала тогдашняя судебная система и практика. Коммунистический режим на протяжении почти трех четвертей века не только применял средневековые пытки, но и значительно расширил их арсенал. К сожалению, пытки до сих пор широко применяются и в «правоохранительных органах» нашей страны и в различных закрытых силовых структурах. Причем, как показывают опросы общественного мнения, большая часть сограждан, например, избиения в милиции даже не считает пытками. Какие же меры необходимо предпринять законодателям, чтобы избавить нас от этой части советского наследия? Об этом моя беседа с независимым депутатом Государственной думы Юлием Андреевичем Рыбаковым.

— *Вами подготовлен и внесен на рассмотрение в Думу законопроект, направленный против применения пыток. Как он называется?*

— «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ...»

— И что же в нем предлагается?

— В уголовный кодекс вводится статья, в которой устанавливается ответственность должностных лиц за причинение физических и моральных страданий гражданам с целью добиться от них определенного действия или бездействия.

— Какие меры наказания предусмотрены для должностных лиц, причинивших страдания?

— Лишение свободы сроком от 5 до 20 лет. Высший срок, естественно, для случаев, повлекших смерть или тяжкую инвалидность жертв, а также при других отягчающих обстоятельствах.

— Насколько я помню, в действующем уголовном кодексе уже существует что-то подобное. В чем же отличие Вашего законопроекта?

— В действующем УК упоминается применение пыток, но не расширявается — что это такое. Кроме того, предусмотрена ответственность лишь для следователей и дознавателей. Но, как показывает опыт, они научились успешно обходить эту статью. Для пыток привлекаются охранники, персонал СОБРа, ОМОНа и других спецподразделений, используются также и «пресс-хаты» (т.е. подследственного помещают в камеру к матерым уголовникам, которые его физически «обрабатывают»). Кроме того, посмотрите, что творится в т.н. «обезьянниках» в любом отделении милиции. Эти клетки очень часто превращаются в средневековые пыточные камеры. В отношении арестованных и подследственных часто применяются самые изощренные пытки.

Привлечь к ответственности лиц, осуществляющих пытки или санкционирующих их применение,

как показывает правоприменительная практика, очень трудно. Такие дела, как правило, заканчиваются лишь легким испугом для заплечных дел мастеров и их начальников.

Предлагаемый мной законопроект устанавливает ответственность любого должностного лица, т.е. любого чиновника государственной службы, за применение пыток. Действие законопроекта распространяется не только на «правоохранительные органы», но и на силовые структуры, а также и на чиновников властных структур, если по их указанию сотрудниками милиции в отношении каких-либо лиц осуществлялись пытки.

— Т.е. по Вашему законопроекту ответственности подлежат также армейские командиры, санкционирующие применение «дедовщины» в отношении своих подчиненных?

— Конечно. Причем отвечать придется не только за издевательства над солдатами, но и за пытки, применяемые к офицерам.

— А что, и такое бывает?

— К несчастью, да. Вместе с печально известным полковником Будановым был привлечен к уголовной ответственности и его начальник штаба. Помимо прочего ему вменялись в вину действия в отношении подчиненного ему офицера, лейтенанта, которые однозначно на основании предлагаемого законопроекта квалифицировались бы как пытка.

— Напомните, пожалуйста, этот казус нашим читателям.

— Начальник штаба, находясь в нетрезвом состоянии, отдал приказ лейтенанту, командиру разведвзвода, обстрелять соседнее село фугасными снарядами из орудий боевых машин пехоты и при этом не указал конкретные цели. Надо сказать, что село было мирным. Обстрел его фугасными снарядами мог повлечь жертвы среди гражданского населения. Естественно,

что лейтенант не имел права не выполнить приказ. Но, чтобы избежать кровопролития, он отдал команду вести огонь подкалиберными снарядами (болванками). Когда изрядно перепивший начальник штаба увидел, что крыши домов не взлетают на воздух, он избил лейтенанта, а потом приказал посадить его в зиндан (земляную яму), накрыть сверху досками, насыпать на них негашеной извести и прикрыть сверху рубероидом. Естественно, что после этого офицер, если бы и выжил, то остался бы с обожженными легкими... Хорошо, что солдаты, видя состояние начальника штаба, насыпали известь только на тропинку, ведущую к яме, а начштаба не стал пачкать сапоги и не дошел до ямы, где лежал избитый лейтенант...

– *Понес ли начальник штаба наказание за такие действия, противоречащие любым понятиям о чести офицера?*

– Он был обвинен в превышении служебных полномочий и в хулиганстве, а потом амнистирован. Если бы предлагаемый мной законопроект был к тому времени законом, то подобного не произошло бы, так как пытка квалифицируется им, как тяжкое преступление.

– *Какова статистика преступлений, связанных с пытками?*

– Надо сказать, что официальной статистики на сей счет нет. Но 70% обращений из мест лишения свободы к уполномоченному по правам человека О. Миронову, равно как и ко мне, связаны с жалобами на применение пыток при дознании или следствии. То же говорят и письма, поступающие в редакцию журнала «Тerra incognita», распространяемого, в т.ч., и в местах лишения свободы.

– *Но если Ваш законопроект будет принят, будет ли он работать? Ведь свидетелей пыток найти невероятно трудно. Даже если пострадавший получает справку медэксперта, то лица, пытавшие его, обычно утверждают, что он уже в таком состоянии к ним и попал.*

– Конечно, такое бывает очень часто. Например, автор одной из жалоб описывает свой разговор с дознавателями некоего населенного пункта Мурманской области. На его требования вести допрос в присутствии адвоката дознаватели указали на объявление, висевшее на стене. Оно гласило: «Ты можешь харкать кровью, сплевывая выбитые зубы, и жаловаться на нас, но имей в виду, тебя к нам доставили уже в таком состоянии».

Старый уголовно-процессуальный кодекс позволял суду выбирать, какие из показаний считать более достоверными – данные на предварительном следствии (когда и применяются пытки) или данные

в суде. Как правило, предпочтение отдавалось первым. И если подсудимый давал признательные показания следователю, а потом пытался опровергнуть

свои показания в суде, мотивируя это принуждением, от него требовали доказательств принуждения...

Если бы в УПК все осталось по-прежнему, то и мое предложение мало что изменило бы. Но новая статья будет работать совокупно с другими законодательными мерами.

– *Какими именно?*

– Во-первых, вступила в силу одна из статей УПК, которая гласит, что в случае отказа подсудимого от показаний, данных в ходе следствия, суд не принимает

их во внимание, и расследование дела происходит в судебном заседании.

Это решительный шаг для разрушения советской практики, которая считала чистосердечное признание «царицей доказательств».

Во-вторых, еще депутатами прошлого состава Думы был разработан законопроект об общественном контроле над местами лишения свободы и правоохранительными органами. Для такого контроля должны быть созданы комиссии из представителей общественных организаций и органов местного самоуправления. Этот законопроект будет вновь внесен на рассмотрение Думы.

Напомню, что нечто подобное было в дореволюционной России. Там, как известно, при местах лишения свободы организовывались попечительские советы. В их задачи входило не только материальное и духовное окормление узников, но и контроль за соблюдением их прав.

– *Неужели статья нового УПК, разрушающая советчину в правоприменительной практике, не вызвала противодействия со стороны «правоохранительных органов»?*

– Конечно, вызвала. Существуют попытки отмены действия этой статьи либо введения ее новой редакции, составленной в угоду чиновникам «правоохранительных органов».

– *Насколько я знаю, существует противодействие принятию Вашего законопроекта. Как оно происходит?*

– Летом 2002 г. при обсуждении данного законопроекта в Думе против него вступил представитель правительства А. Логинов. Он заявил, в частности, что введение предложенной статьи об ответственности за применение пыток должностными лицами в уголовный кодекс «нарушает его стройность». В результате законопроект был провален.

– *Так что же, воз и ныне там? Повысились ли шансы прохождения Вашего законопроекта через Думу?*

– Вероятность принятия законопроекта несколь-

ко повысилась после того, как российская делегация в конце прошлого года в Женеве участвовала в работе международного комитета по борьбе с пытками. В составе этой делегации, в частности, были генерал Ю. Калинин, заместитель министра юстиции и я.

Дело в том, что в 2003 г. истекает срок выполнения обязательств, принятых нашей страной по предотвращению пыток.

Члены международного комитета выразили крайнее недоумение позицией Логинова и заявили, что она не выдерживает никакой критики. Я же, выступая на этом заседании, заявил, что принятие законодательных мер по предотвращению пыток не нару-

шает «стройную систему законодательства», а разрушает стройную систему унижения человека, умаления его достоинства и нарушения его прав, доставшуюся нашей стране в наследство от коммунизма.

Словом, если правительство будет исполнять обязательства, принятые РФ, то законопроект может пройти.

– Вы рассказали о международном комитете по борьбе с пытками. Неужели эта проблема стоит так остро не только у нас, не только в слаборазвитых странах, но и в странах развитых?

– К несчастью, это именно так. Людей пытаются и лупят везде. Но из этого не следует, что мы должны ориентироваться на образцы вроде Центрально-Африканской республики. Ведь крепостное право мы, как известно, искоренили у себя раньше, чем в США отменили рабство. Надо брать все лучшее и из своего исторического опыта, и из практики развитых стран Европы и Америки.

– Часто на наших законодателей пеняют за то, что они медленно принимают законы, преодолевающие советское наследие в той или иной области. Как Вы думаете, можно ускорить этот процесс?

– Конечно, можно. Если сограждане ответственно отнесутся к выборам депутатов в новый состав Думы. Если они не будут выбирать демагогов из числа коммунистов и жириновцев, обещающих все и вся сразу, если не будут выбирать представителей партии власти, радеющей за свой карман и интересы чиновников. Если поймут, что в Госдуме обязательно должны быть депутаты, которые, преодолевая советское наследие, готовы работать на общее дело.

– Но будет ли достаточно одних лишь законодательных мер для выхода из того состояния бесправия, которое нам «подарил» коммунизм?

– Разумеется, нет! Россия прошла через множество испытаний и понесла при этом огромный ущерб. Мы выжили, но получили в наследство рефлекс и привычки советского рабства, которые опирались не только на природу самого коммуниз-

ма, но и на самое худшее в человеке. Вспомните произведения Достоевского... Теперь перед нами испытание свободой. Сумеет ли мы ею воспользоваться, чтобы подняться с колен, или откажемся от нее и склоним голову перед новыми хозяевами?

– Но ведь это зависит, прежде всего, от нас самих...

– Да. И здесь мне вспоминаются строчки Елены Владимировой. Она родилась в Петербурге в 1902 г., в семье потомственных моряков. Окончила институт благородных девиц, потом, как и многие, была увлечена идеями переустройства мира... С 1919 г. в Красной армии, участвовала в боях с бас-

мачами. А в 1937 г. уже отбывала на Колыме. В 1944-м за участие в антисталинской организации заключённых и «писание стихов» приговорена к расстрелу, заменённому каторгой. Так вот среди ее стихов есть и такие:

*Мы шли этапом. И не раз,
Колонне крикнув: «Стой!» –
Садиться наземь, в снег и в грязь
Приказывал конвой.*

*И, равнодушны и немые,
Как бессловесный скот,
На корточках сидели мы
До окрика: «Вперёд!»*

*Что пересылок нам пройти
Пришлось за этот срок!
И люди новые в пути
Вливались в наш поток.*

*И раз случился среди нас,
Пригнувшись опять,
Один, кто выслушал приказ
И продолжал стоять.*

*И хоть он тоже знал устав,
В пути прочтенный нам,
Стоял он, будто не слышав,
Всё так же прост и прям.*

*Спокоен, прям и очень прост
Среди склонённых всех
Стоял мужчина в полный рост,
Над нами глядя вверх.*

*Минуя нижние ряды,
Конвойный взял прицел.
«Садись! – он крикнул. – Слышишь ты?!
Садись!» – но тот не сел.*

*Так было тихо, что слышать
Могли мы сердца ход.
И вдруг конвойный крикнул: «Встать!
Колонна! Марш! Вперёд!»*

*И мы опять месили грязь,
Не ведая куда.
Кто – с облегчением смеясь,
Кто – бледный от стыда.*

Людей пытаются и лупят везде. Но из этого не следует, что мы должны ориентироваться на образцы, вроде Центрально-Африканской республики. Ведь крепостное право мы, как известно, искоренили у себя раньше, чем в США отменили рабство. Надо брать все лучшее и из своего исторического опыта, и из практики развитых стран Европы и Америки.

*По лагерям куда кого –
Нас растолкали врозь.
И даже имени его
Узнать мне не пришлось.*

*Но мне высокий и прямой
Запомнился навек
Над нашей согнутой толпой
Стоящий человек.*

– Наверное, Вы согласитесь с тем, что законодатель должен вручить согражданам не «рыбу», но как бы «удочку» для защиты своих прав.

– Удочка совсем не подходящий для этого инструмент, но я понимаю, о чем вы... Конечно, если наше общество не научится пользоваться инструментами самозащиты, не поймет, что права надо научиться отстаивать самим, опираясь на знания, общественную солидарность и мужество, то никакое ему законодательство не поможет.

Пока «гомо советикус» не станет человеком прямоходящим, он не может рассчитывать на общество без пыток, издевательств и унижений.

* * *

19 марта с.г., когда текст этого интервью был подготовлен к печати, законопроект депутата Рыбакова был принят Государственной Думой в первом чтении. «За» проголосовали 270 депутатов. Голосовавших «против» и воздержавшихся не было – редчайший случай в истории современной Думы. Ларчик, однако, открывается просто – коммунисты и жириновцы предпочли обезьянничать у американского посольства, защищая Саддама Хусейна, вместо участия в думском заседании. Оно и понятно, при коммунистах пытки широко использовались, зачем же голосовать за ответственность за их применение?

Я обратилась к Юлию Андреевичу с вопросом дальнейшей судьбе предложенного им законопроекта.

– Не опасаетесь ли Вы того, что суть Вашего закона может быть выхолощена во втором или третьем чтениях?

– На самом деле критично второе чтение, в третьем вносятся лишь редакционно-стилистические поправки, не меняющие сути законопроекта. Поправки же, вносимые во втором чтении, пойдут через комитет по законодательству, в котором я состою. Естественно, что предложения, извращающие суть законопроекта, нами будут отсеяны. На ряд других мы согласимся. Например, уже сейчас я согласен с поправкой, сделанной правительством.

Она предусматривает снижение верхнего предела наказания за применение пыток до 15 лет. Поверьте мне, отсидевшему 6 лет в советских лагерях, и 15 лет на зоне – не сахар.

– Из беседы с Вами я поняла, что законотворчество – процесс сложный, требующий самоотдачи. Он

совсем не похож на ту картинку, которую нам рисуют СМИ...

– Конечно. Если депутат действует в интересах людей, которые его избрали, в интересах будущего страны, он должен выкладываться полностью. В противном случае законодатель занимается проталкиванием чьих-то коммерческих интересов и весело проводит время в Сандунах и дорогих ресторанах.

– Что же делать, чтобы среди законодателей стало меньше любителей «сладкой» жизни?

– Надо, чтобы каждый гражданин чувствовал ответственность за судьбу страны. И также ответственно относился к своему выбору. Какая бы ни была у нас «управляемая демократия», в той или иной степени элементы народовластия у нас есть. И именно от осознания каждым своей ответственности зависит будущее страны.

Беседовала Татьяна Кустодиева

Если депутат действует в интересах людей, которые его избрали, в интересах будущего страны, он должен выкладываться полностью. В противном случае законодатель занимается проталкиванием чьих-то коммерческих интересов и весело проводит время в Сандунах и дорогих ресторанах.

Александр Штамм

СДЕЛАНО В СССР

IV МЕСТО В МИРЕ

В начале марта с.г. в Москве стал известен список миллиардеров (в долларовом исчислении), опубликованный в известном американском консервативном журнале «Форбс» («Forbes»).

Показательно, что в нашей стране за прошедший год численность миллиардеров выросла с 7 до 17 человек. Теперь РФ заняла 4 место в мире по количеству миллиардеров, обогнав Саудовскую Аравию и Великобританию.

Хорошо это или плохо? То, что растет число состоятельных граждан, конечно, хорошо. То, что эти

граждане не пытаются скрыть свои доходы и крупные капиталы в РФ становятся относительно прозрачными – тоже хорошо.

Но, к сожалению, рост сверхприбылей и сверхдоходов происходил на фоне обнищания пенсионеров и «бюджетников» (учителей, врачей и др.). А власть, которая многократно заявляла о своем стремлении «укротить» олигархов, вопреки этому способствовала их размножению. Лишь со II квартала с.г. планируется увеличить налогообложение экспорта нефти и нефтепродуктов.

Тем временем в почтовых отделениях выстраивались очереди стариков, отсылавших президенту

свою тридцатирублевую (1 евро) прибавку к пенсии. А в феврале-марте в городах нашей страны несколько сот тысяч «бюджетников» вышли на демонстрации и устроили забастовки, протестуя против отказа федеральных властей обеспечить им гарантированную тарифной сеткой оплату труда.

(Москва, перекачивая из регионов большую часть налоговых поступлений в федеральный бюджет, пожелала, чтобы часть оплаты «бюджетников» обеспечивалась из бюджетов местных. А это, с учетом неразвитости и бедности местного самоуправления, может привести к снижению и без того нищенских зарплат. Например, средняя зарплата врача составляет сегодня 2100–2400 рублей.)

НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ

Стоит проанализировать кое-какие данные об отечественных миллиардерах. Сразу бросается в глаза то, что все они – сырьевики. В этом их главное отличие от состоятельных людей развитых стран, в рядах которых сырьевики находятся в меньшинстве. Интересно и соотношение суммы их состояний с валовым внутренним продуктом (ВВП) страны. Оно примерно соответствует такому в Мексике или Сингапуре. Это свидетельствует о резкой поляризации доходов в нашем обществе. О том, какие это вызывает настроения, скажу ниже.

Апологеты наших сверхбогачей любят оправдывать их доходы «первоначальным накоплением капитала». Мол, дескать, и везде было так. Но вряд

ли стоит путать Англию XVII-XVIII вв. и США XIX в. с нашей страной в XXI в. Условия – не те, нет великих географических открытий, освоения новых земель.

Если ознакомиться с биографиями соотечественников из списка «Форбс», то выяснится, что почти каждый из «новых советских» миллиардеров получил тем или иным образом свой первоначальный капитал от (или посредством) КПСС, КГБ, ВЛКСМ, ВЦСПС.

За счет чего стартовали и сделали свой капитал наши миллиардеры? Часто их по недоразумению называют термином Евдокии Хабаровой «новые русские». Но та, в декабре 1990 г. употребив его в газете «КоммерсантЪ», определила им, прежде всего, успешных кооператоров, вставших на ноги без посторонней помощи.

Термин Хабаровой относился не только к экономической деятельности этих людей, но и к коренному изменению их психологии. Автор полагала, что именно благодаря им из нашей жизни уйдет советчина, и на основе общности этих людей и возникнет новая Россия.

К сожалению, дело пошло не так. Подавляющее большинство новых русских было оттеснено посредством отнюдь не рыночных или правовых методов представителями партийно-комсомольско-гэбистской номенклатуры, а также «братками» из преступного мира, в основном из числа тесно связанных с «правоохранительными» органами. Вместо новых русских во главе страны оказались «новые советские».

Если ознакомиться с биографиями соотечественников из списка «Форбс», то выяснится, что почти каждый из «новых советских» миллиардеров получил тем или иным образом свой первоначальный капитал от (или посредством) КПСС, КГБ, ВЛКСМ, ВЦСПС.

Константин Стрельцов

НУ И ЗАЧЕМ НАМ ЭТОТ РЕФЕРЕНДУМ?

22 марта в так называемый Чеченской республике состоялся референдум, на котором были поставлены вопросы: о принятии конституции республики, о законах о выборе президента и о самих выборах президента. На референдум по официальным данным было истрчено 59 млн. рублей, и еще сколько-то на обеспечение работы силовых структур во время проведения оногo. Здесь возникает вопрос: а зачем?

Еще до референдума были проведены независимые исследования общественного мнения, которые были достаточно репрезентативны. Они показали, что 67% чеченцев желают находиться в составе России.

21% не желают находиться в составе России. Каковы их мотивы? Первое, Россия не выплатила чеченцам как депортированному народу компенсацию. Отметим для себя, что деньги за депортацию чечен-

цев не пожелал принять небезызвестный Джохар Мусаевич Дудаев. Второе, они считают, что их унижает российская милиция, проводя бесконечные задержания в общественных местах крупных российских городов. Третье, они считают, что их не уважают как участников строительства Российской империи и участников «Великой Отечественной войны».

По официальным данным, в референдуме приняло участие 71,4% избирателей. Из них за пребывание в России проголосовало 96,6%, что в общем-то соответствует тем самым 67%.

Но зачем было устраивать референдум, предварительно не собрав с мятежной территории налоги?

Не следует также забывать, что господин Кадыров объявил нашей стране джихад и, между прочим, свои слова назад не забрал. Неужели 5 тыс. милиционеров Кадырова не смогут уйти опять в горы?

Александр Юрьев

ИРАК: ВОЙНА, КОТОРОЙ МОГЛО БЫ НЕ БЫТЬ

БЕСКОНТАКТНАЯ КОНТАКТНАЯ ВОЙНА

20 марта США нанесли ракетно-бомбовый удар по Ираку. Началась II иракская война, которой могло бы и не быть.

В самом деле, как говорил Клаузевиц, «война есть продолжение политики иными средствами». Но если эта политика не ведется во имя простых и понятных целей, если в ней начинают «мудрствовать лукаво», то тогда война как элемент политики своих целей не достигает.

Во время предыдущей войны с Ираком, помимо ясной и понятной цели освобождения Кувейта и сокрушения Ирака, советники Буша (старшего) преследовали еще две цели: сохранить режим Саддама для противовеса Ирану и, по просьбе Турции, не допустить образования на территории Ирака курдского государства, которое бы неизбежно стимулировало партизанское движение на юго-востоке Турции.

В результате диктаторскому режиму в Ираке дали возможность сохраниться. Более того, пропаганда Саддама преподнесла это иракскому народу как победу. И это, несмотря на то, что среднедушевой годовой доход в Ираке упал с 4 тыс. долларов накануне «Бури в пустыне» до 150 долларов в 2002 г.

Не будем рассуждать о том, как мог измениться ход истории, если бы американцы тогда, в 1991-м взяли Багдад и если бы пал режим Саддама. Во всяком случае, возможно, более тесные отношения между РФ и США были бы установлены уже в 1992 г. и мы бы раньше в том или ином качестве попали в «большую восьмерку».

Нынешнюю войну многие из наших храбрых генералов предрекали, как бесконтактную. Они основывались на том, что американцы и страны НАТО «выбомбили» режим Милошевича с политической арены Югославии, «выбомбили» талибов и «Аль-Кайду» из Афганистана.

Но при этом они забыли, что не американские бомбы, а сами югославы избавились от красного Слободана. Забыли и то, что в Афганистане территории, подвергшиеся ракетно-бомбовым ударам, занимали войска Северного альянса, что спецназ США, в задачу которого входил захват бен-Ладена, понес серьезные потери, но со своей задачей не справился.

Нынешняя война началась вполне контактно. После мощных ракетно-бомбовых ударов на всю глубину территории противника, уже изрядно разложенного длительным ожиданием военных действий и психологической обработкой союзников, последовало сухопутное наступление при тесном взаимодействии всех родов войск и видов вооруженных сил. Т.е. то, что в вооруженных силах США называют воздушно-наземной операцией.

Апологетам бесконтактной войны не мешало бы перечитать боевые наставления вооруженных сил США, относящиеся к воздушно-наземным или воздушно-морским операциям. Из них все становится ясно. Противника стремятся разгромить, используя авиацию и ракеты, затем начинаются вполне контактные боевые действия, которые, однако, войска ведут против измотанного и до предела ослабленного противника. Конечно, с точки зрения боевого опыта советской армии, где атакующих гнали на неподдавленные пулеметы, подобный бой может показаться бесконтактным.

Впрочем, надо сказать, что большинство генералов (вроде Ивашова) все еще грезят классическими пехотно-артиллерийскими мясорубками в духе жуковских наступлений. Вот уж поистине: военные всегда готовятся к прошедшей войне.

С ПАРШИВОЙ ОВЦЫ...

Возникает резонный вопрос: какое отношение нынешняя война в Ираке имеет к РФ, и какие уроки мы должны из нее извлечь?

Боевые действия в Ираке нашей национальной безопасности не угрожают. Правда, в результате снижения цен на нефть мы можем потерять от 30 до 40 млрд. долларов. Но это еще не вопрос нашей национальной безопасности. Следует также учесть, что США, чтобы сохранить конкурентоспособность своей экономики, не допустит падение цены на нефть ниже уровня 20 долларов за баррель.

Но следует учесть и то, что при распаде Ирака может возникнуть дружественное нам курдское государство как противовес крымско-кавказским притязаниям Турции. Отметим также, что на территории Ирака существовало три базы «Аль-Кайды», на которых тренировались чеченские террористы. Более того, большая группа этих террористов приехала в Багдад перед началом боевых действий, чтобы выступить на стороне Саддама в качестве добровольцев. Попытки иракского посла в Москве свести это к «досадному недоразумению» выглядели совсем уж неуклюже.

Руководители нашей внешней политики, успешно устроив комедию «борьбы за мир», в которой президент Путин и министр Иванов менялись местами, поочередно изображая «жесткий» и «мягкий» курс по отношению к намерениям США в Ираке, на некоторое время усилили вес РФ на мировой арене. Правда, Иванов, как последний советский дипломат в духе Громыко, явно переиграл, заявив, что РФ может прибегнуть к праву вето в Совете Безопасности. Особых лавров он этим не стяжал. Зачем же вообще замахиваться, коли бить не собираешься. Но, тем не менее, отношения с США он умудрился изрядно испортить.

Путину же надо было считаться с необходимостью отнять у коммунистов часть голосов их избирателей на будущих президентских выборах. Поэтому он, довольно вымученно, сделал заявление по Ираку 20 марта. Заявление это было выдержано в гораздо более резких тонах, чем телеобращение Ельцина по Югославии 24 марта 1999 г. При этом надо сказать, что слова Путина о «большой политической ошибке Буша» выглядели весьма комично. Безусловно, американский президент допускает массу ошибок, как и другие государственные деятели, но пока что в двух больших акциях (Афганистан и преследование террористов во всем мире), которые он предпринял в целях безопасности своей страны, он слов на ветер не бросал.

Незамедлительно последовало заявление министра иностранных дел Иванова, в котором тот прямым текстом сказал, что «Россия и США остаются друзьями». Благодаря этому наша страна продолжила курс на сближение с США, причем не ссорясь с ведущими странами Европы.

КАКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАМ НУЖНА?

Такие эволюции позволили российской дипломатии оттянуть войну на месяц и удержать на это время высокие цены на нефть. И, как ни парадоксально, по-видимому, способствовали успеху психологической кампании американцев по разложению войск Саддама.

Сложным остается вопрос о долге Ирака СССР, право на который унаследовала РФ. Ирак должен нам примерно 85 млрд. долларов, из них за оружие – свыше 25 млрд. Саддам не заплатил нам ни цента.

Зато он щедро финансировал наших «саддамитов», которые ныне на пикетах у посольства США держат лозунги вроде: «Саддам – это Сталин сегодня!» Да Бог с ней, с несчастной нанятой голодной старушкой. Здесь цинизм коммунистов, как обычно, не имеет границ. Представьте себе вполне упитанного думского господина, орущего, что он отказывается от всех американских товаров. Вот это действие сопряжено с особым цинизмом. Поскольку господин пользуется мобильным телефоном «Моторола», а в Думу ездит на последней модели «Форда».

Вряд ли новый иракский режим признает такой долг в полном объеме, но, пользуясь хорошими отношениями с США, наша страна может рассчитывать на какую-то долю компенсации. Деньгами или натурой – покажет время.

Наши досужие борзописцы и политтехнологи очень любят болтать, что нашей стране под руководством Путина и Иванова удалось создать нечто новое: стратегический четырехугольник Германия–Китай–Россия–Франция. Возникает резонный вопрос: лежат ли в поле подобной геометрической фигуры национальные интересы РФ? Для этого постараемся предварительно ответить на несколько других вопросов.

Какая из стран земного шара может реально претендовать на какую-либо часть нашей территории? Ответ однозначен: Китай.

Какая страна может стать лет через 20 гегемоном на земном шаре? Ответ тот же.

По отношению к какой стране мы стоим голой спиной, или, если угодно, голым подбрюшьем, в Азии? Ответ опять тот же.

По отношению к какой приграничной стране в Азии наше азиатское население меньше на два порядка? Ответ даже не нужен.

Так какой же смысл нашим вождям, находясь в твердом уме и здравой памяти, усиливать влияние Китая на мировой арене? Что нам может помочь в складывающемся для нас очень непростом положении? Кажется, ответ лежит на поверхности: скрупулезный учет всех «долгоиграющих», а не сиюминутных международных факторов. Идет ли в этом направлении нынешняя внешняя политика РФ? Нет! Потому что она мелкотравчатая, она направлена на политику создания региональных блоков.

Скорее всего, будущий конфликт с Китаем начнется с какой-нибудь невзрачной заварушки на просторах Средней Азии или Туркестана. Представьте ли вы, уважаемый читатель, что войска для защиты российских национальных интересов туда пошлют Германия, Франция или, скажем, Индия? Они, конечно, великие державы, но великие лишь в региональном масштабе. За пределами своих регионов у них особенных интересов нет и быть не может. Желаем мы того или нет, но в существующем мире есть всего лишь одна глобальная великая держава – США ее имя. Эта страна будет защищать свои глобальные интересы хоть в Антарктиде. Волей-неволей придется ей защищать и нас. Недаром бомбардировщики стратегической авиации США, чей девиз «мир – наша профессия», отрабатывают боевую задачу под названием «Отражение массированного китайского наступления в Восточной Сибири». Таким образом, наша внешняя политика не должна быть ориентирована на создание региональных blocков. Нам необходимо создание глобальной системы безопасности страны. Но своими силами мы с этой задачей справиться не можем.

Что же нам следует заимствовать у США? Прежде всего, их новую внешнеполитическую доктрину, в рамках которой они и начали настоящую войну. Она исходит из событий 11 сентября 2001 г. Пора понять, что нынешняя война идет не за нефть и не из-за покушения Саддама на Дж. Буша (старшего). Это – принципиально новая война за национальную безопасность. Россия сделает невероятную глупость, если не воспоследует в этом отношении примеру США.

Новая внешнеполитическая доктрина США дает возможность вести боевые действия для предотвращения потенциальной угрозы национальной безопасности страны или безопасности ее граждан. Такая угроза на территории СНГ существует для наших граждан в Туркестане и Средней Азии. Вывод сделайте сами.

Совет НТС еще в 1992 г. заявлял, что наша страна должна стать гарантом прав человека на всей

территории СНГ. Мы считаем, что у России есть полное моральное право для принятия мер по защите прав человека на территории любой из стран СНГ, даже если для этого потребуется силовое воздействие.

Вот только готовить такое воздействие надо открыто, не обращая при этом внимания на вопли «прогрессивного человечества». В этом еще один урок нынешней иракской войны.

Другой урок этой войны гласит: если вы начали силовое воздействие на диктаторский режим, то его следует доводить до конца, т.е. до свержения такого режима. Именно из-за того, что администрация Дж. Буша (старшего) этим уроком пренебрегла, США ныне приходится опять воевать с Ираком.

И последнее: давным-давно пора понять, что

уродливое детище II мировой войны – ООН – ныне окончательно стало «хромой уткой».

Действительно, каким авторитетом может пользоваться всемирная организация, в главном органе которой, в Совете Безопасности, не представлены вновь возникшие великие мировые державы. Какое уважение может вызвать у любого нормального человека международная организация, комиссию по правам человека которой возглавляет представитель Ливии, – страны, где в качестве меры уголовного наказания совершенно официально существует ампутация конечностей.

Задача нашей страны – добиться коренного пересмотра роли ООН для реформирования ее в авторитетный инструмент для поддержания мира, основанного на уважении к правам и свободам человека во всем мире.

*Мирон Амуся, Марк Перельман**

ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ – СУТЬ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ?

«**П**олитика и мораль – вещи несовместимые» – это непреложная истина, привычно подразумеваемая и экспертами, и любителями при анализе действий любого правительства как в прошлом, так и в настоящем. Аморальность политики нередко рассматривается как ее неотъемлемое качество, как синева полуденного безоблачного неба.

Казалось бы, сегодня мы видим подтверждение именно этой истины: начинается, как говорят многие политики и сонм политологов, очередная война за нефть и влияние в мире – кто окажется ближе к ней, к абсолютно необходимой пока нефти, тот и будет прав. А убитые станут «сопутствующим ущербом»... Ведь не случайно «весь мир» (на самом деле 5 или даже 6 млн. из всего лишь 6 млрд. жителей Земли) как один вышел на улицу, протестуя против войны. Ведь не случайно же Франция стала во главе «борьбы за мир» (она ведь всегда была «за мир»: и когда помешала Лиге Наций наказать Муссолини за захват Абиссинии, и когда в Мюнхене предала Чехословакию, и когда капитулировала в войне с Германией).

И у СССР, политике которого пытается следовать министр иностранных дел РФ Иванов, «блестящий» послужной список грандиозных усилий в «борьбе за мир»: здесь и война в Корее в 1950 г., и Венгрия в

1956-м, и Чехословакия в 1968-м, да и Афганистан в 1979-м. Ни разу СССР не ждал одобрения ООН или поддержки Совета безопасности. Они заменялись сотнями тысяч солдат и тысячами танков армии вторжения.

Да что там далекое прошлое. Еще почти вчера, в 1999 г., ни одна из крупных (да и не только крупных) стран не протестовала против войны НАТО, жертвой которой была Югославия. Наоборот, Западная Европа и клинтоновская Америка энергично воевали.

79 дней граждане Югославии были под огнем. Их бомбили, они гибли «случайно», сидели в холоде и без света. Однако никто в Совете безопасности не грозился применить право вето. РФ стыдливо уклонялась от стародавних традиций помощи «братьям-славянам» против турок и их присных (в данном случае – косоваров). Демонстранты с криками и плакатами «Спасем единоверцев-христиан» не заполняли

И у СССР, политике которого пытается следовать министр иностранных дел РФ Иванов «блестящий» послужной список грандиозных усилий в «борьбе за мир»: здесь и война в Корее в 1950 г. и Венгрия в 1956, и Чехословакия в 1968, да и Афганистан в 1979. Ни разу СССР не ждал одобрения ООН или поддержки Совета безопасности. Они заменялись сотнями тысяч солдат и тысячами танков армии вторжения.

улицы и площади Западных городов. Для всего «цивилизованного мира» (ранее – «прогрессивного человечества») личности врагов и их облик были ясны и задачи определены. Враги – Милошевич и «эти сербы», задачи – спасти косовских албанцев от «этнических чисток», а косовских женщин от «массовых изнасилований».

Но Милошевич не представлял угрозы для других стран, не располагал и не стремился к созданию ни

* Авторы статьи – профессора теоретической физики, Иерусалим.

ядерного, ни химического, ни биологического оружия, не поддерживал он и мировой терроризм, а информация об изнасилованиях и чистках оказалась в основном фабрикацией СМИ и ангажированных политиков. Во всей этой югославской трагедии так называемый «цивилизованный мир» действовал абсолютно аморально, в соответствии с общим принципом об аморальности политики.

Что же изменилось сейчас? Впервые в недавней истории война начинается

не из-за территориальных претензий или стремления к экономическому доминированию, не в ответ на нападение конкретной страны, не в защиту, наконец, неких «сырых и обиженных» групп населения. Эта война начинается из моральных соображений, именно как борьба со злом во имя добра и в предвидении опасного будущего. И это не пустые слова. Зло в мире наступает, оно уже сегодня ведёт войну и захватывает всё новые регионы Земли. Его, зла, оружие – террор в невиданных масштабах, апофеозом которого было разрушение Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Очевидно, что это зло не может существовать как минимум без помощи и организационной поддержки государства-террориста, точнее правителя-террориста. Саддам Хусейн вполне способен играть подобную роль – и по наличию оружия, и по возможности передать его террористам, и даже по готовности его применить, как уже было в прошлом, даже к своему народу.

Для Буша и его команды это, разумеется, не война за нефть. За многие десятки млрд. долларов, которые пойдут на войну, можно закупить вдоволь нефти. Да и согласившись с отменой санкций против Ирака, США оказались бы не последними в очереди на получение доходов от его нефти. Они вообще в этой очереди никогда не были последними. Не заслуживает внимания и обвинение, будто Буш идет на войну с Хусейном во имя интересов Израиля, такое приходит в голову либо профессиональным провокаторам, либо одержимым. И уж совсем комична гипотеза, будто здесь играют роль семейные обиды, – за отца мстит сын.

Нет, у Буша, вероятно, другие цели. Он не оговорился, этот верующий христианин, когда почти сразу после 11 сентября 2001 г. объявил крестовый поход против террора. Позднее эта формулировка была заменена на более приемлемую для мусульманства. Но смена формулировки не изменила, как нам представляется, взгляды Буша и его окружения и их цели. Именно в борьбе со злом кроется движущий мотив начинающейся военной операции США.

И здесь важна принципиальная разница между риторикой и ментальностью старой континентальной Европы и США. Ширак и К^о все еще не понимают или не хотят считаться с этими различиями. Так было и раньше, когда американский флот громил пират-

ские базы Северной Африки, и при Вудро Вильсоне, и при введении плана Маршалла. И сейчас европей-

ские политики не верили и, вероятно, не верят в то, что американцы могут действовать и из идейных соображений, а не только следовать сиюминутным выгодам. Американцев зачастую продолжают считать наивными простачками, которых легко обвести вокруг пальца изощренным потомкам Ришелье и Талейрана. Но единственной на сегодняшний день сверхдержа-

ве мира совершенно не нужно хитрить, и она вполне может позволить себе говорить именно то, что победа США судьбоносна в первую очередь для народа Ирака, – вспомним, к чему привела американская оккупация Германии, Японии, военное присутствие в Корее. Мир получил три демократические процветающие страны, достигшие выдающихся экономических успехов при почти полном отсутствии природных богатств.

Победа США несказанно ослабила бы террористическую сеть во всем мире, от которой страдает не только Израиль, но и Россия, Индия, Филиппины и т.д. Несомненно, победа США внесла бы существеннейший вклад в истинную безопасность Европы, которую от терроризма друзей г-на Ширака и К^о не спасет даже почти свершившееся превращение её в Евробию, в некий зародыш «Европейского халифата».

Победа США привела бы и к неизбежной перестройке ООН, к созданию нового Совета безопасности, куда вошли бы основные державы сегодняшнего мира. (Анекдотично, когда страны, вторая и третья в мире по экономической мощи, Япония и Германия, имеют формально те же права, что Науру или Белиз, или когда блок арабских стран – 22 голоса! – имеет больший вес на Генеральной Ассамблее, чем все цивилизованные государства вместе взятые.)

Победить исключительно в военном отношении в столкновении с Ираком для США мало. Надо победить и в борьбе за послевоенное устройство этой страны, победить в построении мирной и достойной жизни граждан Ирака. Победить в начале переустройства мирового порядка на новом этапе истории – этапе его послетоталитарного развития. Без этого начавшийся крестовый поход XXI в. сведётся к итогам, достигнутым его аморальными предшественниками XI–XIII вв., со всеми сопутствующими печальными последствиями.

Результаты этой войны чрезвычайно важны для будущего всей современной цивилизации: «со щитом или на щите» – так стоит вопрос.

Для победы в такой войне, помимо использования доминирующей военной мощи, от США и его руководства – президента Буша и его команды – требуется решить сложнейшую задачу – суметь совместить мораль и политику.

Победить исключительно в военном отношении в столкновении с Ираком для США мало. Надо победить и в борьбе за послевоенное устройство этой страны, победить в построении мирной и достойной жизни граждан Ирака. Победить в начале переустройства мирового порядка на новом этапе истории – этапе его послетоталитарного развития.

Борис Пушкарев

РОССИЙСКИЙ СОЛИДАРИЗМ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ПЕРЕДАТЬ ЭСТАФЕТУ

Вопрос о ценностях, которыми живет общество, – сегодня основной вопрос России. И политический разброд, и хозяйственная разруха, и нравственный цинизм – все это сводится, в конце концов, к вопросу об общественных ценностях. Ценности – это то, что делает общество целым, делает его *большим*, чем просто набор составляющих его частей.

Помимо общего идейного неблагополучия, царящего сегодня в мире, есть два препятствия на пути формирования целостной системы ценностей в России. Первое – это 75-летний отрыв во времени от исторических традиций нашей страны. Второе – это не доведенный до конца расчет с советским прошлым, с его ложными ориентирами.

В результате, с одной стороны, российские реформаторы подставляют себя под обвинения в копировании Запада, в том же «монетаризме», хотя именно монетаристская реформа Витте в 1897 г. заложила основу хозяйственного расцвета России на два самых блестящих ее десятилетия. С другой стороны, патриотически настроенные круги смыкаются с коммунистами, хотя именно коммунисты разорили страну, подорвали ее материальные и духовные основы, а своей национальной политикой и произвольным проведением границ между республиками заложили ту мину под территориальную целостность страны, которая взорвалась в декабре 1991 г.

Такого несуразного сплетения идей можно избежать, обратившись к антикоммунистической национальной и свободолобивой традиции, которая, в обход советской власти, сохранилась за 75 лет в российском зарубежье и сегодня возвращается в Россию, служа своего рода мостом между ее прошлым и будущим.

Речь идет об НТС – Народно-Трудовом Союзе российских солидаристов как движению в первую очередь идейно-политическом, с первых своих дней нацеленном на положительные ценности, необходимые будущей России. Идейный костяк этого движения возник не в тиши кабинета: его чеканил, подобно гигантскому прессу, опыт XX в. – опыт россий-

ской революции и гражданской войны, опыт западного фашизма и западной демократии.

Как это происходило, я хочу кратко обрисовать здесь. При этом из многообразия идей Союза я решил выделить пять: национальную идею, идею свободы, идею исторической преемственности, позицию «по ту сторону правых и левых» и идею освободительной революции.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Союз, который основали 14 молодых людей, встретившихся в Белграде 1 июля 1930 г., назывался Национальный Союз Русской

Молодежи. Год спустя его переименовали в Национальный Союз Нового Поколения. Потом в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Потом название его еще варьировалось, хотя аббревиатура НТС существует с 1935 г. Но долгое время неизменным оставалось прилагательное «национальный».

Почему «национальный»? Да потому, что коммунизм откровенно именовал себя тогда интернациональным, не успев еще изобрести ни советского патриотизма, ни культур «национальных» лишь «по форме», ни прочих сталинских штучек. Мы встали тогда на защиту наших национальных ценностей, попираемых коммунистическим интернационалом. Нашим идеалом была национальная Россия – в противоположность анонимному СССР.

Преданность национальной России мы унаследовали от Белого движения – но унаследовали в своем собственном преломлении, извлекая уроки из опыта истории. Вместо одной лишь риторики о «единой и неделимой», которая Белому движению едва ли помогла, уже в наших «Положениях» 1930 г. говорится о «признании за народами, входящими в состав России, права на национальную самостоятельность», формулировка, по нынешним временам, очень уж осторожная, но радикальная по отношению к настроениям, бытовавшим тогда в зарубежье.

В 1934 г. последовало определение нации: «*Объединение людей в неразрывное целое общностью культуры, государственных и экономических интересов, историческим прошлым и общностью устремлений на будущее*».

Заметим: единство не этническое, не расовое, не языковое, а единство интересов и устремлений. Как писала тогда газета «За Россию»: «Нация – это духовное родство свободных граждан». Да и сам наш

* Текст впервые опубликован в сборнике «Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940». Книга первая. /Под общ. ред. акад. Е.П. Чельшева и проф. Д.М. Шаховского. – М.: Наследие, 1994.

Союз уже был родством людей разного этнического происхождения и разных вероисповеданий: Устав тогда предусматривал особые формы присяги и для магометан, и для буддистов. И татары, и калмыки, и армяне чувствовали себя в НТС россиянами, не отрякаясь от собственных корней.

В условиях войны «Схема НТС» 1942 г. выдвигает понятие Российского Союзного Государства. В его рамках отдельные народы могут создавать «самоуправные государственные образования», которые имеют собственные конституции и «часть своего государственного суверенитета переносят на центральное правительство».

В условиях послевоенной демократии на Западе нам надо было подтвердить, что у нас нет намерений никого тащить за шиворот в это союзное государство. Это и было зафиксировано в резолюции Совета по национальному вопросу 1951 г., где НТС высказывается за «принцип государственного единства народов России», но в то же время «признает за каждым народом право на основании плебисцита самому решать свою судьбу». То есть, мы разделяем общий со всеми демократами принцип признания права на отделение, но сами мы тяготеем к единству. Важно, чтобы Россия стала свободным сообществом тех народов, которые пожелают жить в общем государстве. Мы не предпрещаем ни его границ, ни деталей его федеративного устройства. Это решат сами народы. Однако даже если это сообщество объединит лишь несколько народов из более чем ста, все равно оно будет не русским, а российским: в его законах и духе должно быть заложено признание его многонациональности и самобытности каждого народа.

Это возвращает нас к вопросу о российском национализме. Сегодня термин «национализм» не в моде – точнее, он считается хорошим, если его практикуют нерусские народы, и плохим, если он относится к русским. Винават здесь, бесспорно, коммунистический режим, который более полувека перемешивал патриотизм русский с советским. И, разрушая христианскую основу российского самосознания, создал почву для языческого национализма, не умеющего уважать ни свою, ни чужую нацию. Видный идеолог НТС Михаил Александрович Георгиевский писал в 1939 г. в газете «За Россию», парируя жалобы ультраправой прессы, что НТС ничего не пишет о евреях: «Неужели же не унижительно для русского национального достоинства сваливать все несчастья на жидомасонов?»

В 1957 г. мы переименовали название Союза с «Национально-Трудовой» на «Народно-Трудовой». Просто потому, что в языковом обиходе в Советском Союзе, в сравнении с практикой зарубежья, слова «народ» и «нация» поменялись местами. Но это не изменило нашей сути. Любовь к своему дому и своей семье – естественное и необходимое чувство. Если его нет, в душе образуется опасная для человека пустота. Это верно и в масштабе семьи, и в масштабе нации и государства. Не может не угнетать то, с какой легкостью сегодня русский язык наводняется

англицизмами – всеми этими бизнесами, дисплеями, маркетингами, брифингами и популяциями. Впрочем, нечто подобное мы уже видели при Петре, с его экзерцициями и экзекуциями. Тогда дух нации это преодолел. Тяга к здоровому национальному самосознанию в нашем народе налицо, и теперь надо только помогать ему ее проявить: заполнить пустоту беспочвенного интернационализма, вытеснить языческий шовинизм и способствовать, как мы говорим, росту солидарного гражданского общества.

ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЫ

«За Россию, за свободу» – пели корниловцы в Гражданскую войну, и вслед за ними идея свободы России, как результат любви к России, с первого дня была путеводной в нашем Союзе. Положения 1930 г. требовали «установления личных свобод, равенства всех перед законом и отсутствия классовых и сословных привилегий как основного условия личного и общественного прогресса и создания духовных и материальных ценностей».

Фраза неуклюжая, но смотревшая далеко вперед. О том, что личная свобода – условие создания в том числе и материальных ценностей, не подозревали ни рабовладельцы прошлых веков, ни сталинские органы долгосрочного планирования в недрах ОГПУ и НКВД. Только наш век информатики, когда машину строит не человек, а информация, заложенная в другую машину, убедительно доказал, что исходная ценность – это именно информация, а материальное производство есть производная от нее. Информация по своей природе требует обмена, а обмен не может осуществляться в условиях несвободы. Поэтому не случайно, что именно век информатики стал веком освобождения человека и крушения тоталитарных режимов.

Общие положения 1930 г. о личной свободе и равенстве всех перед законом были подробно развиты в «Схеме НТС». Этот документ составлялся несколькими группами на пространстве между Киевом и Парижем летом и осенью 1942 г., когда исход войны отнюдь не был ясен, и надо было считаться с тем, что текст будут читать и в Гестапо. Тем не менее, в «Схеме» было заявлено (с. 11–12 ротаторного издания):

«Национально-трудовой строй обеспечивает всем гражданам следующие гражданские свободы:

– свободу жительства, передвижения и переселения по всей территории страны без всяких ограничений, а равно и свободу выезда за границу (далее перечисляю сокращенно – Б.П.), свободу труда... свободу слова и печати... свободу собраний, союзов, объединений и манифестаций... свободу научного и художественного творчества... свободу вероисповедания... свободу национального самоопределения».

Затем следует изложение гражданских прав:

«Неприкосновенность личности... неприкосновенность жилища, имущества и переписки... право на доброе имя... право представительства... право занятия любой должности в зависимости от личных способностей, качества и уровня знаний, право на

труд и обеспечение средствами на жизнь, право на образование... право на социальную помощь, в частности, на обеспечение в старости. Сохранение установленных прав и правового порядка гарантируется нерушимостью законов и равенством всех граждан перед законом».

Вот где был пафос Союза 1942 г. Можно спорить о формулировках, находить, что в них смешаны гражданские и экономические права, что мало сказано об институциональных гарантиях. Но не будем забывать, что все это писалось наспех в условиях подполья, за шесть лет до того, как Объединенные нации провозгласили Всеобщую декларацию прав человека. Мы уже тогда выступали за права, забота о которых вошла в мире в моду лишь в последние тридцать лет.

При этом наше понимание свободы всегда отличалось от понимания как либерально-позитивистского, так и анархического. Отличалось формулой «не свобода от, а свобода для»: свобода не как самоцель, а как условие осуществления ценностей. Формула эта привлекательна, сегодня ее разделяет и консервативная политическая мысль в США, и католическая в Европе. Но в практической жизни она упирается в громадные трудности: где провести границу между свободой положительной и отрицательной? И кто решает, где она должна пройти?

Другим следствием нашего понимания свободы как условия осуществления положительных целей и общественной солидарности было наше отталкивание от межпартийных дрязг и партийного политиканства. 1920-е и 1930-е гг. отнюдь не вселяли веры в парламентскую многопартийную демократию: она допустила к власти тоталитаристов в России, Германии и Италии. Она не удалась во многих малых странах Европы, заигрывала с коммунистами во Франции и довела Испанию до гражданской войны. Поэтому для тогдашнего НТС естественны были поиски новых путей, которые вылились в «Схему» 1942 г. в проект многоступенчатого народного представительства, при котором каждый избиратель лично знает своего депутата, и где на работе в низовых органах самоуправления проверяются его деловые качества.

Надо подчеркнуть, что против «яда партийности» предостерегали еще в конце XVIII в. «отцы-основатели» американской демократии, полагая, что их конституция послужит против него заслоном. В 1930-е гг., одновременно с нами, альтернативы парламентскому строю искал и христианский социалист-демократ Г.П. Федотов, и другие мыслители его толка. Сегодня в политике западных стран традиционные партии часто уступают внепартийным «группам давления», движимым решением частных своих вопросов. И А.И. Солженицын, подобно «Схеме НТС» выступил за беспартийные многоступенчатые выборы в земство.

Но время берет свое. Демократии западной Европы, пройдя через свой искус тоталитаризмом, нашли возможность исправить многие изъяны довоенного парламентаризма. Мы же поняли, что при решении

спорных вопросов естественно образуются стороны, или партии, и избежать этого в свободном обществе невозможно. Поэтому, начиная с 1950 г., в Программе НТС фигурирует глава «Политические организации». С тех пор у нас принято считать, что выявление воли нации должно происходить параллельно тремя путями: плебисцитами (референдумами), прямыми выборами в палату парламентского типа, где без партий не обойтись, и ступенчатыми выборами лиц, а не партий, в палату земств.

ИДЕЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

«В былом источник вдохновенья, в деяньях Сечи и Петра» – этими словами начинается одна из самых популярных песен Союза 1930–50-х. В империи, заложенной Петром Великим, и одновременно в наследии казачьей вольницы видели источник вдохновенья не одни основатели НТС: сам Пушкин слыл «певцом империи и свободы». Трагическим образом слиянию этих двух начал не дано было осуществиться в нашей истории.

После революции марксистские историки взялись очернять наше прошлое; им стали вторить многие на Западе. В стране же, после 75 страшных лет, многим хочется дореволюционное прошлое, наоборот, обелить. Основатели НТС предостерегали против той и другой крайности. В «Положениях» 1930 г. им виделось возрождение России «в твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учетом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого».

Сегодня многие вспоминают о Земстве как о почвенной, российской форме самоуправления, которая достигла значительных успехов и была солидаристской в том смысле, что в ней дружно сотрудничали представители разных сословий. Но ведь «здание земства», как выражались в ту пору, так никогда и не было «увенчано» общероссийской палатой наверху, никогда не получило основания – волостного земства – и охватило лишь часть страны. Так что, стремясь перенять принципы работы и дух служения земских деятелей, строивших Россию, мы не можем просто восстанавливать старое; мы должны заново строить ту часть, что так и осталась недостроенной и была лишь планом, намеченным как бы пунктиром.

Хорошо вспомнить и судебную реформу 1864 г., приблизившую осуществление идеала суда «скорого, правого и милостивого», введшую суд присяжных, исправившую беззакония николаевской эпохи. Но ведь и эта реформа уже через 25 лет была исковеркана контрреформами Победоносцева, упразднением мировых судей и введением земских начальников, так что многие крестьяне так до конца империи ничего, кроме административного произвола, в судах и не увидели. Да, нам надо начинать восстанавливать правосудие на принципах реформы 1864 г., но, опять же, не только восстанавливать то, что было, а создавать то, что еще только должно было появиться.

Подобное можно сказать и про Церковь. Да, нам нужна Церковь авторитетная и не подвластная государству. Церковь с интенсивной приходской жиз-

нию, связанная тесными горизонтальными узами с гражданским обществом. Но ведь только лишь планы утверждения подобной Церкви должен был обсуждать Собор 1906 г., который так и не состоялся, а решения Собора 1917 г. перечеркнул большевизм...

И этот перечень можно продолжать. Говорить о незавершенной аграрной реформе П.А. Столыпина, о незавершенных планах в образовании и науке, в кооперации, в армии. Ясно: чтобы сохранить преемственность, чтобы не стать Иванами, не помнящими родства, нам сегодня необходимо заниматься историей.

Особенно историей наших учреждений реформаторских эпох 1860-1917 гг. Но не только докапываться до фактов и уяснять невероятность размеров той катастрофы, которая нас постигла. Это лишь пассивная сторона задачи.

Характерная черта нашего мироощущения – отрицание фактопоклонства. Да, факты надо точно знать, чтобы о них не разбиться. Но на них не смеет замыкаться мысль. Мысль должна быть устремлена вперед, *к должному, а не к существу*. Поэтому в изучении нашей новейшей истории не менее важна активная сторона: дорисовывать контуры того, что могло быть, но было сорвано. Какими должны были стать земство, суд, церковь, аграрные отношения? Эти контуры дадут нам, в первом приближении, оболочку будущей, возможной России, если строиться она будет «в твердом согласовании с исторической преемственностью».

ПО ТУ СТОРОНУ «ПРАВОГО» И «ЛЕВОГО»

Со свойственным НТС в 1930-е задором он свое положение в политическом спектре определил так: «Мы не справа и не слева, мы – впереди!» Исторически, эта позиция для нас была единственно возможной. Ведь целый век, от декабристов и до отречения Николая II, Россию терзал конфликт между «правыми» и «левыми», «властью» и «обществом». Всеобщее ликование весны 1917 г. было радостью освобождения от этого конфликта. На какой-то исторический миг казалось, что общество слилось с государством и восторжествовало демократическое согласие.

Но когда дошло до дела, так называемая революционная демократия помогла не Л.Г. Корнилову, а большевикам. Это заставило сторонников правового строя «справа» повернуться не только против большевизма, но и против демократии, увидеть в Февральской революции предательство и права, и России, а во Временном правительстве «позорнейшую из всех российских властей». Этот раскол в антибольшевицком лагере способствовал поражению белых армий и был увезен эмиграцией за границу, где вызвал 35 лет бесплодных пререканий.

О преемственности здесь не могло быть и речи. От кого признать преемственность? От монархистов, предавших монархию? От социалистов, предавших демократию? От кадетов, получивших 4,8% голосов на выборах в Учредительное собрание? Под всем этим надо было подвести жирную черту и начинать

сначала! Отгородиться от старшего поколения организационно, возрастным цензом, а также идейно. Преодоление коммунизма требовало новой идеи, не лишенной социального содержания. К такому выводу вел анализ хода гражданской войны.

Ведь меньшевики и правые эсеры, ставившие во главу угла социальную идею и политическую работу в массах, победили большевиков весной 1918 г. на выборах в 19-ти из 30-ти губернских городов, где тогда была «советская» власть. Но они отказывались применять силу к своим «братьям по классу», большевикам, почему те их и разогнали при помощи ЧК.

Насилию и анархии черни надо противопоставить «патриотическую и дисциплинированную армию», считал А.И. Деникин. Ее единство не должны нарушать политические споры о социальном устройстве страны. Но такая позиция лишала белых политической опоры в массах, особенно среди крестьянства, и в 1919 г. тоже имела лишь временный успех.

Крымский опыт П.Н. Врангеля, стремившегося в 1920 г. совместить патриотизм с социальными реформами и необходимым применением силы, опоздал. Но именно он представлял собой конструктивный итог гражданской войны, именно он указывал направление в будущее.

Революция преуспела в разжигании классовой розни, и залечить ее раны может лишь *сотрудничество классов и социальное единство нации*. Вот откуда пошел солидаризм. Но где искать его прообраз? Позже мы его в значительной мере увидели в *христианской демократии* послевоенной Европы, в *социально-рыночном хозяйстве и реформированной парламентской системе* стран, прошедших период тоталитаризма.

Но в 1930-е ничего этого еще не было. Либеральная демократия терпела поражение и теряла авторитет. Однако мы ее изучали, – в частности, изучали социальные реформы Ф.Д. Рузвельта. Языческий национал-социализм Гитлера отталкивал нас с самого начала, этому много свидетельств в нашей прессе. И берлинская группа НТС была, пожалуй, самой антинацистской. Но социальные реформы, национальное единение и антибольшевизм других новых режимов не могли не вызывать интереса: изучалась и корпоративная теория Парето, и патриархальная диктатура Салазара в Португалии. Но проще всего, конечно, изучать было то, что под боком. Под боком были свои профессора – Билимович, Ильин, Спекторский, печатавшиеся в изданиях НТС. Под боком были труды Бердяева, Выше-славцева, Лосского, Франка, в Харбине преподавал Георгий Гинс, от которого мы взяли и сам термин «солидаризм», и определение желаемого государства: не ночной сторож, как при либерализме, не командир, как при диктатуре, а светофор на перекрестке, который не дает машинам столкнуться, но в остальном предоставляет водителям ехать, куда им надо. Позже Сергей Левицкий назвал российский солидаризм синтезом религиозного мессианства славянофилов и социального реформаторства западников.

Законченной доктрины все это не дало. Существенен был порыв: познавать азы, учиться, расти. Существенен был диапазон материала и главное направление – на синтез положительных начал. III съезд Союза в 1934 г. поставил задачу «подготовки сильных волею и знаниями, культурных и нравственно дисциплинированных деятелей, работников и строителей будущей России». Эта задача стоит и сегодня.

ИДЕЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Понятия, о которых я пока говорил, – национальная идея, идея свободы, вопрос исторической преемственности и позиция «по ту сторону правого и левого», – это идеи программные, относящиеся к вопросу «за что». Пятая же идея – стратегическая, относящаяся к вопросу «как». Всем ясно, что мы никогда не ограничивались идеями, что наша любимая евангельская цитата – слова из послания апостола Иакова: «Вера без дел мертва». Так вот, в каком контексте мы видели свои дела, как мы их осмыслили? И как мы в разные времена видели конец режима?

Начнем с того, что эмиграция видела два варианта. «Левые» делали ставку на эволюцию власти: будет же когда-то Термидор! «Правые» ставили на возобновление иностранной интервенции и на «весенний поход». Ни та, ни другая ставка не требовала действий, а только ожидания. Ни ту, ни другую не принимали активисты «нового поколения», понимая, что Россия может добиться свободы лишь собственными силами, что нам ее не могут дать ни правящая партия, ни иностранная интервенция. Поэтому в декабре 1931 г. НТС принимает идею *национальной революции*.

За слово *революция* на нас в 1960-е и позже сыпалось много шишек. Вы, мол, за кровопролитие, за разруху. Все это, конечно, были передержки. Мы всегда были за коренную смену режима. То, что она может быть бескровной, доказали Венгрия, Чехословакия, ГДР в 1989 г., доказала и сама Россия. Революционные перемены должны проводиться собственными силами и вопреки упирающемуся партаппарату. Эта цель была задана верно. Другое дело, как к ней идти? На этом пути можно различить пять этапов.

1. В 1930-е стратегической концепции не было. Был инстинкт: идти в Россию, нести наши идеи. Была воля к служению и жертве. Была мысль: создать в подполье опорные точки. И другая мысль: да, мы готовим революцию, но осуществим ее не мы, власть возьмет некий чаемый «комкор Сидорчук».

Что осталось от тех лет? Память о жертвах. Тех шести из Прибалтики, что в 1932 г. по своей инициативе пошли через советскую границу по каналу Братства Русской Правды и погибли. Тех троих из Манчжурии, что в 1935 г. были расстреляны в Иркутске, об Ирошникове и Флоровском, что пошли по каналу Русского Обще-Воинского Союза и погибли на румынской границе в 1933 г. Тех восьми, что сами основали в 1938 г. группу в Москве и тоже были захвачены.

Союз раскрывает предательство в эмигрантских организациях, с которыми он поначалу сотрудничал, и в 1938 г. пробивает собственные пути в Россию. Околович и Колков совершают свой знаменитый поход и возвращаются невредимыми, но еще девять человек погибают на границе или вскоре после перехода границы. Девять или десять пробиваются в страну и начинают там вторую жизнь.

Много раз нам задавался вопрос: а были ли все эти жертвы оправданны? Ответил на него, правда, по другому поводу, Г. Федотов: «Не является ли последний творческий акт человека – в святости, в подвиге, в жертве – совершенно бескорыстным и не имеющим смысла вне себя и ниже себя? Оправдание нации – в осуществленных ею в истории ценностях, и среди них героизм, святость, подвижничество имеют, по крайней мере, такое же онтологическое значение, как создание художественных памятников и научных систем...»

2. 1930-е были подготовкой, решающие события начались в 1941 г. Председатель Союза Виктор Михайлович Байдалаков сказал на большом собрании в Белграде в феврале 1939 г.: «С кем идти? У русской совести может быть только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а с русским народом. Борьба на два фронта, с завоевателями извне и с тиранией внутри, будет тяжела... но Россию спасет русская сила на русской земле; на каждом из нас лежит долг отдать себя делу создания этой силы».

Были члены НТС и в советской армии, и во французском движении сопротивления, но основные кадры организации в 1941 г. находились в занятой немцами Европе и оттуда всеми правдами и неправдами потянулись на Восток, чтобы быть со своим народом. Стратегический замысел тех дней отражен в «Схеме НТС» 1942 г.: «Для осуществления *Национальной Революции необходимо: 1. Выявление всех национальных антибольшевистских сил... 2. Создание мощного Освободительного народного движения, оформленного в политической организации и опирающегося на вооруженную силу*».

Члены Союза в оккупированной России старались чем могли помогать населению восстанавливать нормальную общественную жизнь, распространяли свои идеи. Но политический смысл их работы в России и в лагерях для советских граждан в Германии сводился к двум целям: к созданию подпольной политической организации и к поискам опоры на вооруженную силу, как в среде независимых партизан, так и в добровольческих частях, находившихся на немецкой стороне.

Условия войны, где либо ты стреляешь, либо в тебя стреляют, и третьего не дано, сделали широкий разворот «третьей силы» невозможным. Расчеты на коренное изменение немецкой политики на Востоке оказались тщетными, оппозиция Гитлеру была подавлена, а западные державы о борьбе со Сталиным и слышать не хотели. В брошюре «НТС – мысль и дело» (Посев, 2000 г.) перечислены имена 25 членов НТС, убитых нацистами на оккупированной терри-

тории, и 24 – погибших в нацистских тюрьмах и концлагерях. Было их на самом деле больше: ведь списков членов в условиях подполья не велось, и связь была крайне непостоянной. Сколько погибло в сталинских лагерях, нам еще предстоит узнать.

И тем не менее, попытка осуществить невозможное не была тщетной. Оставаясь верными себе, члены Союза не могли отсиживаться по разным углам Европы, когда решалась судьба их страны. Только благодаря тому, что они не побоялись ринуться в гущу событий и пойти на встречу со своим народом, Союз вобрал в себя новые силы и выжил как организация. Ни одна из других русских политических организаций в Европе войну не пережила.

3. В послевоенные годы «вторая» эмиграция в Европе была деморализована сталинскими победами и террором насильственной репатриации. Ждали нового наступления Советской армии на Европу и стремились как можно скорее за океан. Все были убеждены, что революционная борьба против тоталитарного режима невозможна.

В этих условиях, в 1948–1949 гг. НТС снова берет курс против течения и идет навстречу этой армии – в Берлин. Чтобы снять психологический барьер бессмысленности борьбы, В.Д. Поремский создает «молекулярную теорию»: как построить массовую, неуловимую революционную организацию, которая в тоталитарной разобщенности даст людям чувство плеча, разрушит миф о всемогуществе власти и создаст предпосылки для всенародного восстания.

Семь лет, с 1950 по 1956 г., идет последовательное осуществление молекулярной теории. Радиостанция «Свободная Россия», просуществовавшая до середины 1970-х гг., «шаровые акции», которыми было заброшено в страну 97 миллионов листовок и 8,6 миллионов газет и брошюр. Работа в армии: в связи с восстанием 17 июня 1953 г. в Берлине и Венгерской революцией раздавались наши призывы не стрелять в народ! Подготовка и засылка в Россию для отстройки «каркаса» молекулярной организации одиннадцати членов НТС.

Памятно это время расстрелом четырех из них – Горбунова, Лахно, Макова и Ремиги, похищением Александра Рудольфовича Трушновича из Западного Берлина, попытками убийства Околовича и Поремского и еще примерно пятнадцатью актами чекистского террора против зарубежной базы НТС.

4. Переломным для нашей стратегии стал 1956 г. Стало ясно, что ростки независимого общественного мнения в стране требуют более дифференцированного подхода, чем листовки с воздушных шаров, и что молекулярная организация не будет массовой.

Зато XX съезд КПСС открыл новые перспективы демонтажа тоталитарной власти, а Венгерская революция показала, что всенародное восстание в тоталитарных условиях действительно возможно, но поддержки извне не получит.

Собравшись в Кидрихе-на-Рейне в июле 1956 г., Совет НТС издал свою, пожалуй, наиболее дальновидную резолюцию, подтвержденную ходом последнего российского десятилетия: «Правящий слой, по мере привлечения его к соучастию во власти... сталкивается с проблемой ответственности, которая неизбежно расслоит его. Одна его часть будет... стремиться закрепить свое

Собравшись в Кидрихе-на-Рейне в июле 1956 г., Совет НТС издал свою, пожалуй, наиболее дальновидную резолюцию, подтвержденную ходом последнего российского десятилетия: «Правящий слой, по мере привлечения его к соучастию во власти... сталкивается с проблемой ответственности, которая неизбежно расслоит его. Одна его часть будет... стремиться закрепить свое положение и оставить нетронутым основной фундамент коммунистического режима. Другая будет добиваться реформ и постепенной эволюции режима к некой форме правового государства, которая в идеале часто приближается к одному из вариантов западноевропейского социализма».

положение и оставить нетронутым основной фундамент коммунистического режима. Другая будет добиваться реформ и постепенной эволюции режима к некой форме правового государства, которая в идеале часто приближается к одному из вариантов западноевропейского социализма».

Затем, определив явления пассивного, умеренного и радикального реформизма, резолюция говорит, что этот последний «по мере нарастания революционной ситуации объективно станет союзником революционных сил в общей борьбе за единые конечные цели».

Слов нет, для многих за рубежом это был очередной энтеэсовский блеф: «Уж какие там могут быть среди большевиков реформисты, тут пахнет новым сменовеховством!» Но из резолюции следовал ряд далеко идущих выводов.

Во-первых, широкое поле для зарубежной активности: встреч с туристами, моряками и прочими советскими гражданами за границей. Для них создаются специальные издания, встречи с ними дают Союзу возможность держать руку на пульсе страны.

Во-вторых, публикация осенью 1956 г. в №31 «Граней» обращения к авторам в России с предложением печататься в издательстве «Посев». Это обращение положило начало приходу авторов–граждан СССР в «тамиздат». На обращение это три года не было отклика, но с 1960 г., когда наши посланцы начали ездить в Россию, стали поступать рукописи. Сначала понемногу, а за 1960–1975 гг. более тысячи, длинный перечень публиковавшихся у нас авторов из России широко известен.

В-третьих, созыв в 1957 г. гаагского «Конгресса за права и свободу в России», последнего совместного действия эмиграции. Конгресс выставил 130 частичных требований, которые, взятые в отдельности, не были «антисоветскими», но осуществленные в своей совокупности означали бы конец режима. По замыслу они предвосхитили правозащитное движение, начавшееся в стране восемь лет спустя.

В-четвертых, так называемые Лорские решения 1958 г., о «создании на территории России организационных предпосылок для открытых революционно-политических выступлений против власти под знаменем НТС». Опять же, подобные выступления начались в стране лишь семь лет спустя и не под флагом НТС. Но практическим результатом решений было развитие, начиная с 1960 г., обширной системы туристических поездок курьеров НТС в страну. За 30 лет этой деятельностью в России было охвачено более 2000 человек.

1960-е характеризуются «тактикой широкого фронта» – поддержкой целого спектра диссидентских и правозащитных группировок, контактов с церковными и писательскими кругами. Людей, вступивших в НТС, среди них было немного; посмертно стали широко известны имена Юрия Галанскова и Бориса Евдокимова.

5. Следующий пересмотр стратегии происходит в 1970–1972 гг. Стало ясно, во-первых, что смену власти вынудят не только «субъективные» оппозиционные силы в стране, но и объективные силы, в частности, мировая научно-техническая революция, за которой тоталитарный строй не способен угнаться; в результате заключительные этапы революционного процесса могут быть разными: вероятен переворот внутри правящего слоя, возможен и разбор режима по кирпичикам, а не только народное восстание. И не НТС будет выбирать эти варианты, а исторические силы, которые превосходят его. Это не было отказом от революции, – это было отказом от нереальной мысли, что осуществит ее НТС.

Во-вторых, стало ясно, что НТС не может помогать всем-всем-всем оппозиционным силам, чтобы в них не раствориться, а должен сосредоточиться на создании собственной организации в России. Для обслуживания правозащитного движения было в 1972 г. создано Международное общество прав человека. Задачи же собственной организации Совет НТС в 1972 г. видел так:

«Главная задача НТС – участие в устройстве российского будущего на основе *права, свободы и солидарности*. Первоочередная задача – устранение враждебной народу и губительной для России диктатуры... В силу противодействия коммунистической диктатуры НТС вынужден важнейшие отрасли своей работы вести закрыто. Однако по своей сущности НТС – организация открытая, уважающая право, стремящаяся к свободному и широкому распространению своих идей».

Противоречие, заложенное в этих словах, сказывалось на организации в течение последующих 18 лет, когда именно подпольной работе «закрытого

сектора» уделялось основное внимание. В частности, закрытым сектором в 1976–1977 гг. было подготовлено в СССР несколько открытых выступлений НТС силами иностранных друзей-туристов, менее подверженных репрессиям КГБ. Сами граждане страны открыто заявили о своем членстве в НТС лишь в 1982 г., устами Р. Евдокимова и В. Сендерова при их аресте. Выйдя на свободу в 1987 г., они стали первыми открытыми членами организации.

Тем временем Совет в 1977 г., развивая тезис 1956 г. о радикальных реформистах, вводит понятие «конструктивных сил в правящем слое», которым предстоит «вступить в противоборство с господствующим партаппаратом, добиваясь коренных изменений режима и радикальных реформ». Во взаимодействии конструктивных сил, с одной стороны, и «независимой общественности и подпольного политического движения», с другой, Совет видит «ключ к освобождению и сохранению России».

За этим логически следовало решение 1980 г. о разработке альтернатив политике КПСС. НТС публикует свои предложения по «конструктивной внешней политике» (1980), по хозяйственной реформе и путям перехода к рынку (1982), по основам перехода к правовому государству (1984). В 1987 г. последовал обобщающий документ «Путь к будущей России».

Первые три документа задолго до «перестройки» выдвинули положения, ставшие ее лозунгами: приоритет общечеловеческих ценностей перед «классовыми» (признан Горбачевым в 1987 г.), задачу построения правового государства (поставленную на XIX партконференции в 1988 г.) и вопрос перехода к рынку, поднятый Т. Заславской в 1983 г., о котором официальные источники заговорили в 1989 г.

В свою очередь документ «Путь к будущей России», появившийся на территории страны ранней весной 1988 г., повлиял на ряд оппозиционных программ (например, ДС, РХДД) и способствовал реальному становлению организации НТС в стране в 1989–1990 гг. В это же время появились возможности тиражирования журнала «Посев» и другой литературы НТС в стране, состоялись первые открытые вечера «Посева» и «Граней».

В решающий момент в августе 1991 г. группы НТС в 20 городах России, от Петербурга до Владивостока, активно выступили в поддержку избранного народом Президента, против ГКЧП. В Москве в ночь на 20 августа НТС отпечатал 30 тысяч листовок, распространявшихся у Белого дома, у памятника Дзержинскому и в других местах скопления народа.

Но августовские события оказались лишь одним из этапов той «национальной революции» – революции как процесса, а не как события, – которой посвятил себя НТС. После них он в многочисленных заявлениях выступал за ускорение рыночных реформ, за частную собственность на землю, за свободные выборы на всех уровнях, за принятие новой Конституции, против двоевластия, за роспуск Советов, за воссоединение страны как дальнюю цель.

Ирина Роднянская

СОФИЯ-«ХОЗЯЙКА»: С.Н. БУЛГАКОВ КАК РАННИЙ КРИТИК ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА

В качестве двойного эпиграфа к моим размышлениям я хочу предложить, во-первых, знаменитые слова Сергея Николаевича Булгакова (тогда еще

– не отца Сергия) из его трактата 1912 г. «Философия хозяйства»: «...Надольным миром реет горячая София, просвечивая в нем как разум, как красота, как ... хозяйство и культура», – и, во-вторых, ответную реплику его упорного оппонента внутри русской религиозной мысли, князя Е.Н. Трубецкого: «Не могу переварить превращение «Софии» во вселенскую хозяйку». Характерно, что такие атрибуты Софии Премуд-

рости, как разум и красота, не вызвали у философа Трубецкого скептического, тем более саркастического отклика. Но прозаическое хозяйствование под гнетом посягательной необходимости, отмеченное всеми несовершенствами мира сего, никак не вязалось у него с теологемой Софии, триумфально введенной в кругозор русского «светского богословия» Владимиром Соловьевым. Да и сам Булгаков в приведенной выше фразе предварил слово «хозяйство» отточием, каким в письменной речи обычно оттеняются неожиданные и парадоксальные утверждения. Великий «спор о Софии» с вполне вменяемой критикой многих богословских «дерзостей» о. Сергия я оставляю за скобками своей темы. Мне будет важна софийная первоинтуиция Булгакова с ее, так сказать, практической стороны, внутри жизненного мира его, да и нашей, эпохи, века минувшего и века початого.

То, что Булгаков первоначально выбрал своим ученым поприщем политическую экономию и получил серьезное экономико-статистическое образование, как известно, факт именно *идейной* его биографии. Он, по собственному выражению, «приковал себя к тачке политической экономии», прошел через марксистскую выучку и прочая с целью познать пути к лучшему будущему родной страны и всего человечества. И неверно было бы думать, что, уйдя от экономизма в область религиозной метафизики и затем богословия, он изменил жгучему интересу своей философской молодости. Булгаков был человеком, влюбленным в мироустройство и сожигаемым переживанием ответственности за мир. Опознать это чувство ответственности как церковное по существу

– помогла ему софиологическая конструкция. Но само оно родилось из двух источников – из очарованности красотой мироздания, открытой его худо-

жественной восприимчивости, и из ощущения мирового тупика, куда заводят (или могут завести) цивилизацию глобальные социально-экономические процессы, руководимые ложными основаниями. Оба побуждения заставили автора упомянутого выше трактата счесть философию хозяйства «завтрашним днем в философии». И полагаю, это мнение доказало свою справедливость теперь, когда завтрашний

день уже стал сегодняшним, а философское дело Булгакова в этой области далеко не завершено.

Собственно, говоря по-нынешнему, «консумеризма», идеологии потребительства, мы не найдем среди непосредственных объектов его анализа. Это понятно. В те десятилетия, когда Булгаков занимался метафизикой и этикой хозяйства вплотную (и даже в политической экономии не без основания видел «прикладную этику», направляющую поведение хозяйственных агентов), новый XX век еще не осознал и не проявил себя как «век масс». Консумеризм же как идеал «демократического» и принципиально не ограниченного потребления принадлежит именно торжествующему «веку масс» и так называемому демокапитализму. Размышляя о природе потребления в «Философии хозяйства» или об этике потребления в связи с фигурой Т. Карлейля и вводимой в российский оборот концепцией М. Вебера, Булгаков, как правило, не идет дальше остановившего его внимание понятия «роскоши» или вскользь им упоминаемых «измышленных потребностей».

Хотя предчувствие перемен у него было. Недаром в ранней работе 1903 г. «Об экономическом идеале» он придирчиво цитирует труд Вернера Зомбарта «Der moderne Kapitalismus», где автор с энтузиазмом утверждает, что, если прежде «даже Гете жил в доме, убранство которого нашему теперешнему вкусу представляется жалким и нищенским» и «даже художники не знали волшебного очарования обстановки из красивых вещей», то теперь «явится поколение, которое из полноты богатства, притекающего к нему с расточительным изобилием, создаст целый

То, что Булгаков первоначально выбрал своим ученым поприщем политическую экономию и получил серьезное экономико-статистическое образование, как известно, факт именно идейной его биографии. Он, по собственному выражению, «приковал себя к тачке политической экономии», прошел через марксистскую выучку и прочая с целью познать пути к лучшему будущему родной страны и всего человечества.

мир вожделий и красивых форм», куда уже входит эстетическая обстановка «ресторанов и отелей», «поездов и пароходов», торговых домов и деловых помещений, а прежде всего – «магазины с парфюмерными товарами», «салоны для завивки дам» и т.п. Уверяя, что «деловая и торговая жизнь пропитывается красотой», Зомбарт как бы устраняет из понятия роскоши всякий признак сословного аристократизма, всегда служивший поводом равно к обличению и к оправданию излишеств; однако Булгаков не забывает довершить выписки из немецкого экономиста еще одним, отнюдь не демократическим, его соображением: «Мы сделались богаты потому, что целые расы и племена умерли за нас, целые части света обезлюделись, целые страны и культуры опустошены». Эти слова – сегодня может показаться – словно списаны с антиглобалистской листовки. Но у Зомбарта они исполнены очевидного «европоцентрического» самолюбования, и возмущенный критик, Булгаков, не удерживается от возгласа: «Но довольно этого мещанского бреда, сдобренного модным нищезанятием!»

Во всех писаниях Булгакова «мещанство», «духовное мещанство» – особая антропологическая категория, означающая упразднение святости в душе человека (горизонтальное существование, – что позволительно сравнить с «одномерным человеком» современных социологов). В другом месте, описывая социальное мировоззрение Томаса Карлейля и пользуясь его сатирическими образами, равно как и выражением Владимира Соловьева, Булгаков представляет капитуляцию людских множеств перед утилитарным потребительством в виде пути от первобытного «зверочеловечества» к грядущему «свиночеловечеству».

Но несмотря на то, что и «мещанство», и «свиночеловечество» (эта непристойная антитеза «богочеловечества») выступают у Булгакова понятиями или тропами не чисто моралистическими, а несомненно и метафизическими, они не выходят еще за грань укора или предупреждения, не имеют положительной альтернативы, так сказать, в своем философском тылу. В тем большей степени этот изъян разделяет сегодняшняя антиконсумеристская публицистика в преобладающей ее части.

Александр Солженицын предложил своим современникам формулу «Раскаяние и самоограничение», и ее нельзя не назвать прозорливой, хотя Солженицын говорил о раскаянии несколько в иной связи, нежели глобальная переориентация человечества. Действительно, самоограничение как новый цивилизационный лозунг невозможно без «метанойи», без «перемены ума», отвержения многих прежних мотивов и целей как разрушительных и осуждения их как греховных. Когда с трибуны Римского клуба прозвучала онаученная пропозиция на-

счет «пределов роста», это был как раз призыв к самоограничению *без* покаяния, попытка остановиться и остаться в прежнем качестве, в страхе за сохранность именно этого достигнутого качества, – призыв нереалистичный и бесчеловечный одновременно (о чем здесь нет возможности распространяться). Человечество в целом не слишком прислушалось к рекомендациям. Но поскольку адресатом Римского клуба было уже *постхристианское* человечество, оно ответило в идейном плане на опасности всепожирающего роста деструктивными крайностями.

На одном полюсе можно сгруппировать идеи и лозунги радикальных экологических и контркультурных движений, маргиналов из «зеленых партий», «Востока на Западе», New Age и т. п. – человек как часть природы, и не лучшая ее часть, должен отказаться от своего неправомерно центрального места в мироздании, наделить юридической защитой и правовой неприкосновенностью всякую живую тварь индивидуально и ди-

кую природу в целом, декультивировать разведенные цивилизацией территории, так чтобы они снова задичали и зажили внечеловеческой жизнью, а самому человеку ступешаться, сократиться в численности, в пределе же и вовсе исчезнуть с лика земли. Внутри этой парадигмы языческие верования откровенно противопоставляются христианству как сонм экологически правильных религий – религии антропоцентрической и экспансионистской.

А на другом полюсе – ответ, предлагающий техногенный титанизм. Человечеству с его интеллектуальным потенциалом нечего бояться ловушек «роста», лавинообразного наращивания энергетических и сырьевых затрат в процессе усложняющегося потребления: будут открыты запечатанные в тайниках вещества все новые виды энергии, а если при этом от первозданного лица земли не останется ни следа, так ведь несколько не худший *исход* (в обоих смыслах: *outcome* и *exodus*) обретается в освоении планет, а то и звездных систем. Еще Циолковский думал, что человечеству предстоит навсегда покинуть материнскую земную колыбель, и предлагал без сожаления воспользоваться Землей и всем, что ее наполняет, как сырьевым складом для космической колонизации.

Как бы упреждающим эти деструкции образом Булгаков озаботился обоснованием *конструктивной метанойи* – смены целей и мотиваций хозяйствующего на Земле исторического человечества. Отсюда его стремление ввести экономическую проблематику в лоно натурфилософии, космологии и метафизики природы.

Отправной пункт Булгакова – *возвращение к сакральности мира*, но в церковно-христианском контексте, за пределами языческого миробожия. Булгаков без устали ищет в запасниках христианского миропонимания нить, которая выводила бы на правый

Во всех писаниях Булгакова «мещанство», «духовное мещанство» – особая антропологическая категория, означающая упразднение святости в душе человека (горизонтальное существование, – что позволительно сравнить с «одномерным человеком» современных социологов).

путь между некими Сциллой и Харибдой, принимающими разные обличья. В до- и внехристианском эллинизме этими крайними уклонами были космолатрия («все полно богов») и неоплатоническое мироотрицание. В истории христианского человечества это аскетизм (не всякий, а «нигилистический», понимающий человека как залетного гостя в мире) – и гедонизм с его безграничным доверием к «естественным» влечениям, приводящий, добавлю от себя, к вампирическому синдрому современной цивилизации.

Булгаков начинает с вопроса о ценности мира как такового. «Не хозяйством создана эта вселенная», – напоминает он. Мир сотворен *идейно*, не кое-как. София – идеальный организм божественных идей, воплощенных в миротворении. И поскольку в первоизданном и первоустроенном мире нет ничего асофийного, и только порча, связанная с грехопадением человека, вывела наружу его укрощенную Божественным *fiat* хаотическую подоснову, то изначальная онтологическая характеристика мироздания есть Красота. Красота, которая не человеком привносится в мир, а имеет своим источником Абсолют, человек же способен только ее творчески отражать, – эта сошедшая свыше Красота составляет как бы охранную грамоту мироздания и, в первую очередь, Матери Земли, на которой, согласно Шестодневу, сосредоточилась устрояющая мощь Творца. Разрушение Красоты, подмена ее потребительской красотой, а затем и безобразием – признак дьявольского заблуждения исторического человечества.

Тут нельзя не остановиться на противоречии в мыслях Булгакова, из которого он намечает выход разве что к концу жизни. На психологическом уровне это противоречие можно обозначить как неосознанную попытку примирить умиление «тихой моей родиной», «в неподвижности (! – *И.Р.*) своей прекрасной», уголком среднерусской природы, где протекало детство о. Сергия и в целомудренном обаянии которого ему грезилась улыбка Софии, – и неподдельный восторг перед творческой поступью хозяйственного прогресса. На уровне интеллектуальном это – противоречие между исповедуемым в «Философии хозяйства» и после нее *панзоизмом*, признанием мира изначально живым в целом и в частях, – и, несмотря на это, постановкой перед человечеством цели деятельного оживления и очеловечения все еще мертвенного мира. В специально философском плане это – колебания в вопросе иерархического соподчинения хозяйства и искусства при констатации разности и даже «естественного антагонизма» их задач. Поясню.

В софиологии Булгакова человек трактуется как космическое око Софии, ее персонификация в творении. «Человек – стянутая вселенная» (по форму-

ле Шеллинга). «Человек космичен, а мир человечесен» (по формуле самого Булгакова). Вместе с тем человек как существо, одухотворенное Всевышним, содержит в себе все формы космической жизни и даже животности, возвышается над ними и соответственно поставлен садовником Божьего сада и управителем Божьего имения. Таким образом, человек призван к деятельности, независимо от того сопутствующего ей проклятия принудительности и нужды, которое, согласно библейскому представлению, последовало за его грехопадением. Человек – космический агент в жизни Земли, а эпоха хозяйства – новая эпоха в ее естественной истории. (Это утверждалось

мыслителем задолго до Вернадского и Тейяра де Шардена.)

мыслителем задолго до Вернадского и Тейяра де Шардена.)

Как существо падшее и навлекшее порчу на все творение, человек находится в двойственном положении к нему: «Над оживлением природы неустанно работает ее сын и пасынок, раб и господин, повелитель и рабочий, *хозяин*». (По первоначальным вариантам, приведенным в одном из современных комментированных изданий, видно, как трудно давалась Булгакову эта лапидарная формула.) Но акцент в формуле этой стоит не на вынужденном «рабском» подчинении человека стихиям мира, а на хозяйственном «оживлении природы». Человек в образе хозяина предстает здесь как космоургический, по терминологии автора, деятель, в пределе – как художник мироздания, проявитель мира в его качестве художественного, то есть живого, произведения, полученного из рук Творца. Цель хозяйства трансцендирует его пределы и являет себя как задача художественная.

В этой связи Булгаков развивает, так сказать, позитивную онтологию потребления. Все в мире находится в состоянии взаимоиспользования – «метафизического коммунизма»; «сама жизнь... есть способность потреблять мир, приобщаться к нему»; «еда есть натуральное причастие, приобщение плоти мира»; «изначальное единство природы получает наглядное и, можно сказать, аподиктическое удостоверение в факте *потребления*, в котором снимается грань между живым и мертвым, одушевленным и неодушевленным. В нем природа имеет удостоверение в возможности всеобщего одушевления». А значит, «основная функция хозяйства – потребление» (так ее определяет наш мыслитель) есть вместе с тем творческая функция переработки мира во «всеорганизм всечеловечества», обращение мира в периферическое тело родового человека, каковым телом мир потенциально является от создания. Потребление, употребление природы есть одновременно ее спасение, одухотворение, «ософиевание». Еще до того, как София стала центром его умственного кругозора, молодой Булгаков писал: «Рост народного богатства, успехи техники и

Отправной пункт Булгакова – возвращение к сакральности мира, но в церковно-христианском контексте, за пределами языческого миробожия. Булгаков без усталости ищет в запасниках христианского миропонимания нить, которая вывела бы на правый путь между некими Сциллой и Харибдой, принимающими разные обличья.

промышленности выражают постепенную спиритуализацию материи. Природу с ее силами техника превращает как бы в материал для художественного творчества, для воплощения идеи в чувственных образах». В «Философии хозяйства» почти десять лет спустя, уже на софиологической базе, он заявляет по существу то же самое в еще более экзальтированных выражениях: «Демиург (здесь: совокупное человечество. – И.Р.) в хозяйственном процессе организует природу, превращая ее механизм снова в организм, разрешая омертвевшие ее продукты в живые силы, их породившие... и тем самым превращает мир в художественное произведение, в котором из каждого продукта светит его идея... Поэтому победа хозяйства выражается в космической победе красоты».

Однако всего через три-четыре года философ как бы спохватывается и, не отказываясь от прежних метафизических оснований, резко меняет акценты. В его «Свете Невечернем», главном сочинении добогословского периода, хозяйственный труд исторического человечества назван уже «серой магией», иначе говоря, плодом вынужденного компромисса между «белой магией» райского садоводства и «черной магией» оккультного взлома природы. Искусство теперь ставится иерархически выше хозяйства, которое квалифицируется как, в грубом или тонком смысле, но всегда утилитарное и замкнутое на посторонние цели. Художник в его ипостаси созерцателя, а не деятеля прозревает горный идеал Красоты, видит мир в его софийной норме и долженствовании – и этим возвышается над хозяином-тружеником, которому «природа предстает как враждебная сила, вооруженная голодом и смертью». Искусство, преображая мир символически, бессильно стать действенным началом преображения, но хозяйство со всей его мощью бессильно стать творчеством в Красоте.

Здесь болевая точка не только реального «удела человеческого» (*conditions humaines*), но и самого булгаковского построения. Определяя хозяйство как софийное в его корне и антисофийное в его личном бытии, Булгаков фактически снимает представленный было знак позитива с хозяйственного покорения природы и природопользования, впрямую этого, впрочем, не признавая. Диалог художника-провидца с Мировой Душой, земным зеркалом Божественной Софии, оказывается по высшему счету приемлемей хозяйственных манипуляций над

ней. Недаром в «Философии имени» (начало 1920-х гг.) о. Сергей естественнаучной аутопсии мира противопоставляет заклинательную силу слова, знанию – ведовство, а еще до того, в «Свете Невечернем», различает в евангельской «свободе от хозяйства» призыв «быть чудотворцами, а не механизмами вселенной», «целителями, а не медиками».

Другими словами, в доктрине Булгакова борются мифопоэтический элемент, идущий от Владимира Соловьева, и проективно-трудо-вой, идущий от Николая Федорова. Он любит повторять федоровскую максиму: мир дан человеку не на погляденье, и в то же время заглядывается на него в художественном восторге, склоняющем человеческий дух скорее к охранению, чем к преобразованию. Мир исходным образом живой, ну а человек – не омертвитель ли этого живого чуда? И однако же мир еще не ожил, и введение его в полноту жизни не есть ли миссия человека-хозяина?

Нигде и никогда не снимая с человека творческой задачи приведения мира к норме Красоты, Булгаков

Нигде и никогда не снимая с человека творческой задачи приведения мира к норме Красоты, Булгаков все-таки с понятным сомнением относится к исполнимости этой задачи в нынешнем хозяйственном русле (оно одно и то же и в его веке, и в нашем). «Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человечество куда-то вперед по неведомому и никогда еще не испытанному пути, не то к последнему торжеству, не то к гибельной бездне, – вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы... Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства. Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы».

все-таки с понятным сомнением относится к исполнимости этой задачи в нынешнем хозяйственном русле (оно одно и то же и в его веке, и в нашем). «Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человечество куда-то вперед по неведомому и никогда еще не испытанному пути, не то к последнему торжеству, не то к гибельной бездне, – вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы... Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства. Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы». И дитя этого движения – политическая экономия – рассматривает природу, как прямо сказано у нашего автора, в качестве «кладовой для сырых материалов».

Как видим, на этот счет иллюзий у Булгакова не было. И все-таки он намечает вектор «перемены ума», вектор долженствования.

«Человек – существо пиитическое», – скажет Булгаков на склоне лет, объединяя этим греческим словом *poiesis* – «делание» – человека-хозяина и человека-художника. Интегральным понятием, охватывающим и научно-практическую, и символическую (т.е. художественную) деятельность, у Булгакова оказывается *культура*. В этом пункте он даже находит момент схождения своего «религиозного ма-

териализма» (определение, заимствованное у Владимира Соловьева) с экономическим материализмом марксистов: «...вся культура имеет хозяйственную природу... Культура лишь трудом человечества высекается из природы, и в этом смысле можно сказать вместе с экономическим материализмом, что вся культура есть хозяйство».

Однако на этом, скажем так, трюизме Булгаков не останавливается. Он приходит к различению культуры и цивилизации, воспользовавшись популярными концептами О. Шпенглера, но толкуя их по-своему. Если у Шпенглера цивилизация – это, грубо говоря, неизбежная вырожденческая стадия любой культурной эпохи, то для Булгакова культура и цивилизация существуют параллельно по ходу непрерывной деятельности исторического человечества на Земле. Это два модуса отношения к миру, два пути, по которым человечество следует одновременно и которые не пребывают в полной раздельности. Цивилизация – приспособление человека к наличным условиям природной жизни. Культура – творчество, пересоздание и, в пределе, преобразование этой жизни, «всякое человеческое делание, которое проектируется как *ars*» – т.е. деятельность, какую в других случаях Булгаков определяет как «космиургию» и «софиургию». «Рабство миру» – выбор Каина и каинитов, урбанистической потребительской цивилизации, нацеленной на все более полное ублажение инстинктивных позывов человека. (Мне уже приходилось отмечать сходство этих мыслей Булгакова с философским стихотворным циклом Максимилиана Волошина «Путями Каина».) Эта тенденция приводит к «неизбежному самовозгоранию вавилонской башни мещанской цивилизации», – каковым диагнозом Булгаков откликнулся еще на I мировую войну. Если бы цивилизация в своем развитии могла полностью овладеть человеком, он превратился бы в допотопное существо, стираемое с лица земли. Но перед человечеством открыт и путь народа Божия, – в христианскую эру это Новый Израиль, – открыт софийный путь творчества. В неперменном своем условии это путь положительной аскезы, путь самоограничения и самостеснения, возгоняющий творческий дух вверх и не позволяющий человеку и человечеству принести цели культуры в жертву приспособительной цивилизации.

Христианство, постольку, поскольку оно не снимает с себя ответственности за конечные судьбы мира, и специально Церковь как хранительница творческого аскетизма, стали в истории величайшей культурной силой, – продолжает Булгаков. Именно христианство в своем отношении к миру предъявило тот необходимый баланс между охранением (сбережением) и преобразованием, без которого немислима культура. Освящая в своих таинствах и молитвах природные стихии, Церковь проповедует верность земле, признательность за даровое, благодарность за дарованное Творцом. (Уже от себя отмечу слова из Откровения Иоанна Богослова, на которые как-то обратил мое внимание один просвещенный иерей, – слова, которые еще недавно могли казаться туман-

ными, но сегодня стали ясными как никогда: слова о том, что гнев Божий погубит «губивших землю». – Отк. 11:18) И в то же время христианство, Церковь, восстанавливает религиозно-этическое достоинство труда, утраченное в свое время античностью, и освящает его продукты. Рождается совершенно новая мотивация труда – не только как социально справедливой необходимости («кто не трудится, тот не ест»), но и как добровольного аскетического упражнения, не дающего духу угаснуть посреди плотских хотений (*laborare est orare*).

Как уже говорилось, Булгаков, всегда следивший за развитием научной мысли, приветствовал идеи Макса Вебера при первом их появлении (прежде всего своей статьей 1909 г. «Народное хозяйство и религиозная личность») и особенно заинтересовался такой опорой протестантской/капиталистической этики, как идеологема «призвания» (*calling*), профессионального долга перед имуществом, что было сопряжено, как мы знаем, с перенаправлением творческой инициативы в мирское русло и с аскетической дисциплиной в области потребления. Нынешний капиталистический космос вроде бы уже не нуждается в этих духовных опорах, констатирует Булгаков, однако «господство утилитаризма и упадок личности» грозят подорвать хозяйственное развитие.

Но вот что важно. Булгаков, обратив однажды внимание на извлеченные из веберовского труда слова пуританина Бакстера: «Для Бога вы должны работать, чтобы разбогатеть», – в своих дальнейших поисках православного *economic man* корректирует вторую половину этого изречения. В итоге оно могло бы звучать примерно так: «Для Бога должны вы работать, чтобы весь мир в Бога богател» (Лк. 12:21). Точно так же Булгаков переосмысливает знаменитую дарвиновскую *struggle for life*: для него это не борьба за выживание (наиболее приспособленных), а борьба за «расширение жизни», за творчески-трудоовое оживление сущего при сбережении форм жизни, себя уже актуализовавших. На основе софийного понимания мира он предлагает воспитание человека в альтруистической трудовой этике *культуры*.

Если меня спросят, не утопия ли это, я вынуждена буду ответить: да, не исключено. В той мере, в какой христианство, будучи не от мира сего, остается в мире и для мира реальной силой *Премудрости*, это не утопия. Но в той мере, в какой христианство вытесняется, да и само уходит из истории постхристианского мира, это утопия, хотя призванная напоминать об упущенных человечеством возможностях. На этом распутье особую внятность приобретает предупреждение Булгакова, сделанное им сто лет назад: «Роскошь, или духовное мещанство (читай в переводе на актуальный язык: потребительство. – *И.Р.*), было одним из сильнейших ядов, разлагавших античную цивилизацию. Ее наследниками оказались совершенно некультурные варвары, все преимущество которых состояло в том, что они были свободны от духовного мещанства, их сердце было открыто добру и злу». 11 сентября, на мой взгляд, снабдило эти слова конкретным подтекстом.

Сергей Маркедонов

АПРЕЛЬСКАЯ УВЕРТЮРА ОКТЯБРЯ

Ныне у нас на дворе политическая стабилизация. Рейтинг главы государства превосходит все аналогичные показатели у руководителей демократических стран. Понятное дело, Ким Чен Ир, Фидель Кастро или Саддам Хуссейн измеряют свою популярность другими методиками, а потому тягаться с ними по части «доверия нации» тяжело. Консолидация «элит», политических партий и общественных объединений вокруг Кремля также с каждым днем все сильнее, а «народно-патриотическая оппозиция» в лице КПрФ–НПСР напоминает слабую тень самой себя. В этой связи сегодня упоминать о политических процессах ельцинского десятилетия, серьезных кризисах власти, удачных (и не очень) попытках их преодоления в российском политическом и политологическом истеблишменте не модно. А уж если такое упоминание происходит, то исключительно с отрицательными коннотациями. Период «безвластия», «безначалия», тотальной «суверенизации» и столь же тотального «развала»... Но в этой связи возникает нехитрый вопрос: «А как стала возможна сегодняшняя стабилизация и консолидация?» Не ветром же, в самом деле, ее надуло. Ведь при всем уважении к Владимиру Путину, очевидно, что второй российский президент никогда еще в своей именно президентской практике не сталкивался с серьезными внутривластными «вызовами», ни с проблемами двоевластия со всеми вытекающими последствиями, ни с проблемами обеспечения легитимности своей власти, ни с конституционным кризисом, ни с жестким и радикально оппозиционно настроенным парламентом, ни с серьезным противодействием региональных баронов, ни со столь же жесткой (если не жестокой, хотя и подковерной) внутриэлитной борьбой не за милость президента, а против него. Об импичменте и референдумах и говорить нечего. Все описанные выше проблемы были решены до его прихода в Кремль. Путин получил смиренный (хотя и достаточно безликий в политическом смысле) парламент, прирученных региональных вождей (кого прикормили, а кого приручили трансфертной политикой), ослабленную и деморализованную поражениями (от импичмента до неудач на выборах) оппозицию. «Стартовые» возможности второго российского президента были на все сто обеспечены действиями первого. Что ж, теперь можно наслаждаться высокими рейтингами и давать оптимистические «консолидационные» комментарии.

Впрочем, для аналитиков не грех бы почаще обращаться к рассмотрению (не с целью наклеивания ярлыков) политических процессов ельцинского периода. Демократия (хоть и управляемая) на то и демократия, что не застрахована от обвалов рейтингов, падения популярности и серьезных кризисов вообще. И вот здесь-то антикризисный менеджмент по-

ельцински со всеми его «рокировочками» и сильными решениями может как нельзя кстати оказаться ко двору. Напомним также, что действия Бориса Николаевича в 1992–1993 гг. проходили еще в «дополиттехнологическую эпоху». Эпоху, когда еще был силен демократический романтизм, а такие понятия, как «черный PR», «грязные технологии» и «технологические решения» не вошли в словарь российской политики.

Между тем, именно в 1993 г. был решен основной вопрос последней буржуазной революции в нашей стране – вопрос о власти. И события 25 апреля 1993 г., когда президент России на всенародном референдуме получил доверие не только себе, но и проводимому курсу экономических реформ, играют ключевую роль. В августе 1991 г., который принято считать точкой отсчета истории новой России, была дана отставка КПСС как системе управления государством и обществом. В своем неприятии этой системы объединились и «розовые» коммунисты и либералы, и монархисты с анархистами. Далее же возникали содержательные вопросы – в каком направлении реформировать экономику, какое государственное устройство взять за образец. На тот момент в России установилось политическое двоевластие, до поры до времени не проявлявшееся открыто (пока был единый враг в лице КПСС). Однако конфликт между двумя властями (особо подчеркнем, не ветвями власти, а властями) был неизбежен. Бесспорно, личностный фактор Ельцина и Хасбулатова придал этому противоборству свою логику и особую остроту. Но избежать конфликта между советской моделью власти (при которой власть неслиянна и нераздельна) и президентской, получающей легитимность через процедуру всенародных выборов, было невозможно.

И такой конфликт начался уже в апреле 1992 г. на VI съезде народных депутатов России. И несмотря на то, что в фокусе внимания тогда оказались экономические вопросы (гайдаровские реформы), было очевидно, что проблема гораздо шире. И здесь российским политологам, нередко обвиняющим первого российского президента в неумении находить компромиссы, не грех бы вспомнить о том, что сама система Советов изначально рассматривалась ее создателями на базе отрицания «буржуазного парламентаризма» и принципа разделения властей. Советы по идее своей задумывались как органы власти непарламентского типа. В самом характере Советов была заложена мина замедленного действия под политический каркас независимой России. Советы как орган власти, не признающий систему разделения властей, не мог мириться с параллельным существованием других высших органов государственной власти. И не мирился. В декабре 1992 г. на VII съезде народных депутатов были приняты новые поправки к Консти-

«...Борис Ельцин не побоялся обратиться, минуя российских нардепов, напрямую к народу России. Обратиться без хитроумных политтехнологов, любящих порассуждать о быдле, не готовом к восприятию демократии».

быть не могло. Повторюсь еще раз, дело здесь вовсе не в плохих человеческих и политических качествах Руслана Хасбулатова. Орган власти функционирует по определенным правилам. Советы новой России оказались законодательно неэффективны поскольку не смогли принять новые демократические реалии и принцип разделения властей, самореформироваться в единственно возможном направлении – парламентаризации.

Эти тенденции прекрасно понимал Борис Ельцин. Не будучи специалистом в области права и политологии, он имел прекрасную политическую интуицию. Еще по горячим следам апрельского 1992 г. съезда он объявил о развитии конституционного кризиса в стране. 26 января 1993 г. было образовано 89 округов для проведения всероссийского референдума по новой Конституции. Но очередной VIII съезд перешел в политическое контрнаступление и запретил проведение плебисцита, а также принял новую порцию поправок к старому Основному закону страны, ограничив компетенцию президента. В этой ситуации Борис Ельцин не побоялся обратиться, минуя российских нардепов, напрямую к народу России. Обратиться без хитроумных политтехнологов, любящих порассуждать о быдле, не готовом к восприятию демократии. Даже если принять за аксиому факт, что для Ельцина карьера была основой всего сущего, то признаем, что он смог рискнуть поставить ее на кон. Сможет ли сделать подобный шаг ВВП – большой вопрос. Парламентские борения за ограничения референдумов показали со всей очевидностью, что сегодняшнему Кремлю ельцинской решительности явно не хватает.

20 марта 1993 г. Ельцин в обращении к гражданам России по ТВ заявил о неправомочности действий Верховного Совета и объявил об особом порядке

туции, согласно которым правительство должно было подчиняться съезду, Верховному Совету, а уж затем президенту. К слову сказать, за два года деятельности Верховного Совета РСФСР им было принято около двухсот поправок к Конституции, было сформулировано абсурдное положение: «Съезд Советов может принять *любое решение*».

Любое! То есть распорядиться с завтрашнего дня признать общность жен, имуществ и т.п.

Иного варианта и

управления страной (ОПУС) до преодоления конституционного кризиса. «Меня избрал не съезд, не ВС, а народ, ему и решать – должен ли я дальше выполнять свои обязанности и кому руководить страной: Президенту и вице-президенту или съезду народных депутатов?» Но главный «рояль в кустах», заявленный Ельциным, это всенародный референдум о доверии. Думается, что именно эта идея и была основной в его инициативе. Осознавал Ельцин или не осознавал, но своей инициативой он немало поспособствовал внедрению в массовое сознание принципа легитимации через всенародное волеизъявление как основополагающего для демократической системы. Президенту удалось переломить общественные умонастроения в свою пользу. Он сыграл на опережение, продемонстрировав, что не боится потерять власть. На фоне собравшихся 26 марта 1993 г. на свой очередной (внеочередной) съезд нардепов, отчаянно не желавших менять сложившийся порядок вещей и покидать свои насиженные кресла, Ельцин выглядел «народным царем». Попытка отрешить (первая в истории его президентства) БН от власти успехом не увенчалась (не хватило 30 голосов), но съезд был вынужден принять правила игры Ельцина и пойти на проведение референдума, включив в число вопросов и вопрос о доверии экономической политике Кремля. Апрельский референдум полностью оправдал правильность расчетов Ельцина. Он рискнул и взял на этом политический банк. Не будем также забывать, что вопросы, относящиеся к доверию президенту, считались от количества явившихся на выборы, а вопрос о доверии Верховному Совету от общей численности избирателей, что, мягко говоря, ставило Ельцина и Хасбулатова вкупе с нардепами в неравное положение. За проведение досрочных выборов ВС России высказалось 43,1% от общего числа избирателей, но если считать от количества пришедших к урнам, то цифра была равна порядка 70%. Цифры, увы, так и не ставшие причиной саморефлексии для защитников соввласти. И здесь Ельцин одержал верх. После подведения итогов референдума и получив от оппозиции вместо уступок непризнание президентской победы (юридически никак не обоснованное), БН по сути дела получил свободу рук в борьбе с советской властью, т.е. в борьбе за решение основного вопроса российской буржуазной революции. События 1 мая 1993 г. показали, что ВС и советская власть в целом мирно и по-хорошему с исторической сцены не сойдут. Дело шло к событиям «черного Октября». Но октябрьская вооруженная победа над радикальной оппозицией – лишь следствие мартовской инициативы и апрельской победы на референдуме. Поставив на кон свою карьеру, взяв под защиту не отдельных реформаторов, а реформы целом, не боясь потерять высокий рейтинг, Ельцин, во-первых, показал себя мощным политиком и государственным деятелем, а во-вторых, придал импульс строительству новой российской государственности (не оконченому до сих пор во многом из-за недостатка присущей первому российскому президенту воли, решительности и интуиции).

Андрей Хомяков*

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

«Наличие в государстве конституции не означает, что в таком государстве уже установлен конституционный строй. При конституционном строе, прежде всего, должно обеспечиваться подчинение государства праву».¹

Этими словами начинается книга, написанная в 1994 г., комментирующая правовые положения недавно принятой Конституции РФ. Авторы книги понимали, что пройдет немалый срок, пока граждане РФ начнут применять Конституцию РФ в повседневной жизни как единственный источник формирования своего правосознания и начнут требовать от государства, его служащих и других сограждан безоговорочного ее соблюдения.

ВСТУПЛЕНИЕ

Прошло почти десятилетие со дня принятия Конституции 1993 г.

31 декабря 1999 г. в 23:58, с новогодним подарком народу – заявлением об уходе в отставку Б.Н. Ельцина, мы наивно решили, что так красиво кончился переходный период от государственного капитализма СССР и тоталитаризма к правовому государству. Функции и устройство государства мы поменяли в 1993 г., но поменялось ли правосознание граждан? Соответствует ли административно-государственная надстройка и ее действия праву, установленному действующей Конституцией РФ?

Но, несмотря на сегодняшние политические реалии, государство есть не более чем административный инструмент (аппарат), созданный гражданским обществом для постоянного поддержания общественного порядка. И общество на свои средства его содержит.

Основной закон государства – Конституция РФ, принятая многонациональным народом России, в которой определены нормы поведения как общества в целом, так и отдельных граждан, обязанности и сферы деятельности государства.

Для реализации своей конституционной обязанности «государство Россия» в лице президента нанимает госслужащих на работу из числа самих же граждан. Остальные платят налоги и содержат служащих государства за свой счет. При этом сами служащие² государства ничего не производят, а только потребляют, и без содержания за счет остальных граждан (негосслужащих) умерли бы с голоду и холоду. Государству можно только служить, но не ра-

ботать на него, при этом получая только жалование за службу, но не зарплату.

Общество, сформировав **законодательную ветвь власти** из своих представителей, в парламенте России принимает законы.

Судебная ветвь власти определяет наказание для граждан, нарушивших Конституцию РФ, чем осуществляет защиту нарушенных прав и свобод. Любое правонарушение – это не нарушение Гражданского, Налогового, Уголовного или Административного кодексов, а нарушение конституционных прав и свобод граждан, умаление их человеческого достоинства или же преступление против конституционного строя.

Все остальные функции государства реализует **исполнительная ветвь власти**.

Властные полномочия, делегированные многонациональным народом России государству, есть не абсолютная власть государства над всеми и каждым, а власть лишь над теми, кто нарушил Конституционные права и свободы остальных.

Государство не имеет права устанавливать иных обязанностей для граждан, кроме записанных в Конституции РФ, и может ограничить права и свободы граждан только федеральным законом и только в случаях, определенных Конституцией РФ (ст. 55). А мы не должны поддерживать наивную веру государства и его служащих в свое всемогущество и вседозволенность. Минюст делает вид, что не понимает, что его регистрация не делает нормативный акт законом, обязательным для исполнения гражданами, а лишь констатирует принятие его к исполнению государством. А налоговая инспекция не должна толковать законы, а лишь должна собирать налоги, извините, даже не собирать, а принимать. Суды, подчиняясь только Конституции РФ, должны трактовать законы для народа, Дума – писать их от имени народа, а правительство – только исполнять их во благо народа, не своих служащих, а нас, многонационального российского народа – единственного кормильца государства.

МЫ, СВОБОДА И РАЗУМ

Коммунистическо-социалистический тоталитарно-авторитарный режим СССР был на самом деле вульгарным государственным капитализмом. Весь капитал государства, заключавшийся в стоимости всего, что могло находиться на территории СССР, отражался на одном балансе Госплана, участвовал в хозяйственной деятельности одного субъекта – Совета министров и обеспечивался с этого же баланса денежной эмиссией Госбанка СССР. Абсолютно все было государственным. Не было иных финансовых и материальных ресурсов для производства, кроме как

*Автор – инженер, желающий вкусить и наслаждаться своими правами и свободами в полном объеме и угостить других.

¹Конституция РФ. Вопросы и ответы. – М.: Юридическая литература, 1994. – с. 3.

²Служащий – Лицо работающей по найму в различных учреждениях, в сфере услуг, но не на производстве. Ожегов С.И.

государственных. Государство определяло размер и выплату зарплаты, а потом зачем-то брало с нее подоходный налог, как будто нельзя было все учесть при определении размера зарплаты. Чем лояльней был человек к строю, тем выше была его зарплата.

Государство:

1. Исключительно владело всеми средствами производства и всем тем, что могло стать капиталом.
2. Нанимало нас всех без исключения на работу, обслуживать себя.
3. Определяло стоимость всего, в том числе и нашего труда.
4. Занималось нашим воспитанием и образованием в яслях, школах, вузах, академиях.
5. Строило жилье и раздавало нам в пользование.
6. Снимало кино и ставило в театрах спектакли, заказывало у писателей книги, у режиссеров фильмы, а у журналистов статьи. И, как следствие, владелец СМИ вводил свои стандарты – по научному «цензуру».
7. Охраняло границы и содержало армию.
8. Охраняло государственное имущество от нас и иногда нас от нас.
9. Лечило.
10. Платило пенсии.
11. Содержало науку.
12. И карало, карало, карало за нежелание соблюдать вышеуказанные принципы.

Из произведенного нами ВВП от государства нам доставалась лишь малая часть для обеспечения минимальной жизнедеятельности организма работников. То есть на еду, одежду и домашнюю утварь. Государство разрешало нам жить в государственных квартирах. Мы же были только обслуживающим персоналом станков и полей государства, ходили на работу, ели, спали и размножались. Гражданам конституционно было запрещено иметь имущество и использовать его по своему усмотрению. Отрицалась иная продажа рабочей силы, кроме как государству. Труд только для достижения общественных целей. Львиная же часть ВВП, произведенного гражданами, безнадзорно использовалась представителями государственно-партийной номенклатуры – якобы «людьми высшего класса», хозяевами жизни, – принимающими решения, но при этом не несущими за них реальной ответственности. Худшее, что могло с ними случиться, это отъем спецпайка и машины с водителем и исключение из списков номенклатуры.

Все это было законно и происходило в рамках принятой в 1977 г. Конституции СССР. Зачем, почему и как мы в 1977 г. Верховному Совету 9-го созыва позволили это сделать, это уже вопрос истории. Но теперь такой подход к государственной политике есть пережиток прошлого.

После же распада СССР мы приняли Конституцию РФ и создали государство «Россия».

Мы полностью меняли функции и цели существования государства.

Всё! Все реформы кончились 12 декабря 1993 г. Пафос реформирования закончился с принятием

Конституции РФ. Теперь у государственных служащих есть лишь нудная работа – исполнение Конституции РФ и преобразование административно-государственного устройства прошлой формации к нормам действующей Конституции РФ. А пафоса великих реформаторов и спасителей народа у них теперь нет. Естественно, административную надстройку государства прошлой формации невозможно в один день поменять на полностью отвечающую конституционному строю РФ. Пока мы имеем «переходный государственный режим» к конституционному строю государства «Россия». Но 10 лет, много это или мало, а конца переходного периода не видно.

Исчезновение в начале 1990-х услуг, на которые государство прошлой формации имело полную монополию, а именно: кредитование, финансирование, производство и сбыт того, что нельзя продать на колхозном рынке, комиссионке или соседу, – вызвало замешательство у товаропроизводителей. Предприниматели первой волны, в основном «красные директора», по старой привычке и понятиям (думать-то тяжело) пошли в те же кабинеты где раньше сидели первые секретари, а теперь губернаторы.

Но о чудо!!! Спрос на участие представителей государства на рынке неконституционных услуг отозвался предложением. И началось. Наши налоги, которые мы платим для реализации защиты наших прав и свобод, кое-кто от своего имени (а кто от имени государства) начал вкладывать в экономику, как правило удовлетворяя при этом только личные интересы. Вместо того, чтобы на них конституционный строй организовывать, школы и больницы содержать. С 12 декабря 1993 г. у государства и его служащих нет больше не то что необходимости, а даже права заниматься экономикой, кроме отраслей, находящихся в исключительном ведении Федерации. Но в сегодняшней реалии мы имеем бизнес в виде искусственно организованной все теми же номенклатурщиками монополии со слиянием криминальной среды с государственно-административным аппаратом.

Но мы хотели не этого!!!

Принимая Конституцию РФ, мы добровольно и осознанно лишили себя следующих правовых норм, существовавших в Конституции СССР:

1. Необходимость увеличивать социалистическую собственность (ст. 10) и строить материально техническую базу коммунизма (Вступление).
2. Право исключительного владения государством средствами производства (ст. 11).
3. Работа только на общественные цели и на государство (ст. 14).
4. Всеобщая воинская обязанность (ст. 63 и 31).
5. Обязанность уважать национальное достоинство других граждан и укреплять национальную дружбу (ст. 64).
6. Обязанность быть непримиримым к антиобщественным поступкам (ст. 66).
7. Обязанность уважать правила социалистического общежития и обязанность гордо нести высокое звание гражданина СССР (ст. 59).

8. Право сесть в тюрьму по решению прокурора (ст. 54).

9. Автоматическое двойное гражданство: союзной республики и СССР (ст. 33).

10. Демократический централизм и единая вертикаль власти (ст. 3).

И заменили их на следующие нормы:

1. Повышение личного благосостояния граждан и, как следствие, России в целом.

2. Уравнивание гражданина и государства в правах владения собственностью. Запрет монополии и недобросовестной конкуренции.

3. Работа на свое благосостояние и свобода использования для этого своих способностей и имущества. Запрет труда по принуждению.

4. Обязательная защита отечества и служба в армии по контракту.

5. Защита человеческого достоинства, прав и свобод человека вне зависимости от национальности, должности и любых других факторов.

6. Обязанность государства защищать права и свободы граждан.

7. Запрет нарушать права и свободы других граждан, умалять человеческое достоинство других.

8. Запрет производить арест и задержание (более чем на 48 часов) без решения суда.

9. Единое гражданство РФ.

10. Разделение и независимость друг от друга законодательной, исполнительной и судебной властей, но подчинение их Конституции.

И хотели мы получить: правовую, социальную и физическую защищенность личности и абсолютную свободу полностью распоряжаться своей собственностью и результатами собственного труда, чтобы реально ощутить свое человеческое достоинство. Вот и все, других «суперидей» в Конституции РФ нет.

И все это мы должны получить, платя при этом относительно небольшие налоги. Да, налоговое бремя для содержания государства должно быть, но оно не должно превращаться в налоговый гнет.

Мы, многонациональный российский народ, единственный и единый источник власти на территории России (ст. 3), делегируем свои властные полномочия государству, трем ветвям его власти – госслужащим (исполнителям Конституции РФ) в пользование на жестких условиях безусловного исполнения Конституции РФ. «Власть» сегодня имеет одно предназначение – признание, соблюдение и защита прав и свобод гражданина, и только этим определяется её существование, применение и использование.

Да, нам нужно сильное (это не значит, что дорогое и вездесущее) и предсказуемое государство. И пусть оно будет немного полицейским. Но все действия представителей этой самой полиции (как и вообще, любой иной силовой государственной структуры) и отдельных ее работников должны быть направлены исключительно не более чем на защиту прав и свобод граждан, а не на удовлетворение интересов и прихотей милицейского или иного начальства, а тем

более чиновника, олигарха или «братковского авторитета». Обеспечить нам признание, соблюдение и защиту прав и свобод – это обязанность государства, а не «милиционера Пупкина». Он лишь нанят на службу государством, а его труд оплачен нашими налогами.

Если вы думаете, что Конституция РФ написана и принята для каких-то других людей, вы жестоко ошибаетесь, Конституция РФ существует для всех нас и каждого в отдельности.

Нам должно быть безразлично, кто именно (но не как именно) реализует в государстве наши права в равной степени за равные налоги и равномерно по всей территории РФ. У нас есть гарант Конституции, и его обязанность – подчинить всю государственную машину исполнительной и судебной властей Конституции РФ не себе, а Конституции РФ. Каждая ошибка любого представителя государства есть ошибка гаранта в кадровой политике, кроме законодательной ветви, которая должна подчиняться избирателям. Ошибки представителей законодательной ветви власти – это уже ошибки нас, нашего выбора.

Мы хотим не замечать присутствия государства вообще. Оно должно быть удобным и привычным для граждан, которые его содержат, а не «гвоздем в ботинке», который при каждом нашем движении болезненно напоминает о своем существовании. Нам должно быть комфортно, приятно и удобно жить и работать на всей территории нашего отечества.

Нам должно быть безразлично, кто именно президент РФ, но нам должно быть не безразлично, а даже очень интересно, как именно он будет выполнять свои обязанности. На выборах мы выбираем не правителя, а гаранта Конституции РФ и главу государства. При инаугурации они все присягают и клянутся исполнять главную обязанность – гарантировать всем и каждому защиту и исполнение государством конституционных прав и свобод граждан.

Гражданин, баллотирующийся в президенты РФ, должен осознавать, что с первым словом присяги президента он должен стать полноценным гарантом Конституции и быть им 4 года, и для этого у него должно хватить сил, здоровья и знаний.

Президенту РФ тоже должно быть безразлично, кто победит на выборах руководителя исполнительной ветви власти субъекта федерации – этот руководитель должен также полностью и добросовестно исполнять все ту же Конституцию РФ и федеральные и региональные законы. А в вопросах совместного ведения (ст. 72 КРФ) он должен полностью подчиняться председателю правительства РФ.

А если не так, то мы зря оплачиваем содержание представителей президента и его администрации, прокуратуры, министерства юстиции, ФСБ и иных спецслужб, обязанность которых – это выявление и прекращение нарушения Конституции РФ «ее непосредственными исполнителями» и передача нарушителя, в том числе и «нерадивого служащего», в руки правосудия для определения меры уголовной

или иной ответственности. По Конституции РФ перед судом и законом все равны.

Мы же, граждане, должны знать свои права и обязанности государства и контролировать каждое действие органов власти, ибо только мы, народ, есть единственный источник власти, а все остальные наняты нами на работу.

Сегодня государство содержится на наши налоги. А раз мы заказываем услуги у государства, никто кроме нас, налогоплательщиков, не знает, как мы хотим, чтобы государство защищало наши права и свободы. От государства мы хотим получать услуги согласно только нашему пониманию.

Еще мы наняли государство вести хозяйственную деятельность и обслуживать нас в тех вопросах, которые мы не в состоянии решить сами:

1. Внешняя безопасность России и обеспечение ее суверенитета.

2. Внутренняя безопасность.

3. Ведение глобальных национальных программ в рамках вопросов федерального ведения и управление федеральным имуществом естественных монополий (федеральная автодорога, министерство путей сообщения, космос и ядерная энергетика, обязательное общее образование, наименование географических объектов и т.д.).

4. Распоряжение опасными для общества и отдельного гражданина производствами и предметами: расщепляющимися элементами, ядами, оружием и наркотиками.

Все остальное мы можем, хотим и будем делать сами, без государственных ограничений, пока наши действия не нарушают права и свободы других граждан.

Ведь при ведении коммерческой деятельности у государства или органов местного самоуправления (в том числе служащих этих органов, как действительных, так и недавно вышедших в отставку) изначально больше властных полномочий, возможностей доступа к материальным и финансовым ресурсам, доступа к информации и иных предпосылок для недобросовестной конкуренции с гражданами. Для избежания этого мы (в ст. 71) ввели перечень предметов государственного ведения. Остальные отрасли экономики, не вошедшие в этот перечень, должны вестись в рамках конституционного правового поля на равных для всех условиях, без специального деления на отрасли и виды деятельности.

МЫ И КОНСТИТУЦИЯ

Мы приняли Конституцию РФ на всенародном референдуме, и это самая прогрессивная Конституция в мире. Первый раз за историю России, без царей, революций и «руководящей роли», многонациональный народ России реально реализовал свои властные полномочия и сделал первый шаг к построению правового общества.

Принимая Конституцию РФ, мы:

1. определили ее как основной закон нашей жизни, порядок общения друг с другом;

2. признали, что единственный источник власти и носитель суверенитета – многонациональный российский народ, соединенный общей судьбой на своей земле;

3. признали, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, что мы возрождаем суверенную государственность России и утверждаем незыблемость демократической ее основы, при этом отказываясь от попыток возрождения прошлых общественно-политических формаций.

Это значит, что упоминания про народы, национальности, народности и этнические общности, проживающие на территории РФ, имеют лишь историческое и культурное значение. Их судьбы переплелись и слились в единый многонациональный народ России, который лишь один имеет право осуществлять свои властные полномочия и быть суверенным, являть высшую власть на основе только демократических принципов. Правовое поле должно быть единым и однородным на всей неделимой территории России.

Мы сами себе в Конституции РФ определили свои права и свободы и сами себе назначили свои обязанности, а государству мы не давали права увеличивать наши обязанности, а дозволили от нашего имени лишь ограничивать наши права и свободы (ст. 55) при наличии жизненной необходимости в этом для большинства россиян.

Наличие жизненной необходимости – это:

1. согласие большинства граждан на существование самого закона;

2. гарантия, что принятый закон будет выполняться гражданами;

3. согласие с уплатой налогов государству для обеспечения реализации закона.

Ну и как дополнение: такой подход в принятии законов обеспечивает незыблемость демократической основы государства «Россия» и выступает единственно справедливым обоснованием для ограничения прав и свобод меньшинства.

А еще, принимая все эти объективные нормы правосознания, мы верили в добро и справедливость. Между строк юридически выверенного текста Конституции РФ: знание и выполнение Конституции РФ – мораль, нравственность, основа добродетели и критерий справедливости гражданского общества в России.

Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие и применяется на всей территории РФ (ст. 15). Значит, для получения от государства реализации защиты наших прав и свобод и выполнения наших обязанностей перед согражданами не надо никаких иных законов, а уж тем более, подзаконных актов.

У государства нет прав – у него только обязанности перед гражданами.

У государства нет прав – у него только обязанности перед гражданами.

К 120-летию со дня рождения И.А. Ильина

28 марта 1883 г. по ст.ст. родился выдающийся русский мыслитель Иван Александрович Ильин. Мы начинаем публиковать серию статей о нем. В следующем номере – статья Филиппа Т. Гриера «Трудное наследие Ивана Ильина».

Михаил Тюренков

«ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ» ИВАНА ИЛЬИНА

Если попытаться кратко выразить суть творчества, жизни и подвига Ивана Александровича, то лучшего определения, чем «Поющее сердце», к нему не подобрать – в этом весь Ильин.

Ю.Т. Лисица

Судьбу русской мысли в XX столетии можно сравнить с жизнью многовекового дерева, попавшего в страшный ураган. Ветер выкорчевал с корнем это могучее дерево, разбил вдребезги о скалы, и лишь редкие семена его легли на суровую и каменистую почву чужбины. Прошло не так много времени, и некоторые из этих семян проросли, дав жизнь новым росткам, из которых большинство также погибло, зачастую не оставив и следа, но некоторые окрепли, и вот уже несколько молодых деревьев растут на этой, на первый взгляд неблагоприятной, почве.

Так и русская мысль, представлявшая накануне страшных событий 1917 г. великопечное единство в многообразии, оказавшись в изгнании, могла погибнуть, оставив о себе лишь память, сгннуть, будучи поглощенной новомодными направлениями современной западной философии. Но этого не случилось. Та «миссия русской эмиграции», о которой так замечательно сказал Иван Бунин в 1924 г., оказалась выполненной не в полной мере, но её, на мой взгляд, главная задача, – сохранение, переосмысление и развитие русской идеи в новых условиях, была реализована.

Сегодня некоторые горячие головы, поверхностно знающие отечественную историю, впадают в грех осуждения, утверждая, что большинство русских эмигрантов оказались не столько в изгнании, сколько в «политическом и экономическом убежище» исключительно из шкурных побуждений. Быть может, в отношении части эмиграции это и будет правдой, но не по ней мы судим о русском зарубежье и не им я посвящаю эту статью...

Осенью 1922 г., уже потеряв почти всех самых близких людей, достаточно молодой, но уже знаменитый философ Иван Александрович Ильин был арестован большевиками в шестой (!) раз. Бесконеч-

ные допросы и угрозы не сломили мыслителя, он, как истинный христианин, не боялся смерти, гораздо страшнее для него было бы оказаться вне родины. И тогда, в ожидании приговора, если бы философ был поэтом, он мог бы смело написать строки, подобные вышедшим из-под пера Анны Ахматовой четырьмя десятилетиями позже:

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Но приговор был неумолим: «в целях пресечения злостной антисоветской деятельности Ильина Ивана Александровича выслать из пределов РСФСР за границу». Играю-

щие, ради международного признания, «в демократию» большевики не осмелились сразу поставить к стенке выдающегося философа. Видимо, надеялись, что, оказавшись в Германии (по матери Ильин – немецкой крови), мыслитель перестанет быть русским и продолжит основной труд своей молодости – исследование философии Гегеля. Но гонители просчитались. На чужбине И.А. Ильин, отплывший из России на знаменитом «философском пароходе» «Обербургомистр Хакен» 26 сентября 1922 г., стал (если можно так выразиться) ещё более русским, нежели был на родине. Несколько лет спустя он напишет: «Мы, русские, мы, белые, все мы, вынужденно оторвавшиеся от родной земли, – мы *не* оторвались от нашей *родины* и, слава Богу, никогда не сможем оторваться от неё».

Быть русским в эмиграции для Ильина означало: во-первых, оставаться православным, и, во-вторых, деятельно утверждать это посильной борьбой против безбожной совдепии. Именно этим пафосом было проникнуто едва ли не самое знаменитое произведение И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою». И это был не примитивный плевок в «зеркало рус-

ской революции», но камень, разбивающий псевдохристианский гуманизм, принесший столько страданий русскому народу.

Будучи оторванным от родной земли, Ильин не оставляет надежду увидеть свободную Россию. Ради достижения этой цели философ сотрудничает с наиболее активными деятелями русской эмиграции в надежде общими силами спасти родину. Долгие годы он выступает неким идеологом Белого движения, тесно связанным с Русским Обще-Воинским Союзом (РОВС). Однако, в отличие от некоторых видных представителей русской эмиграции, Ильин не обманулся надеждой на нацизм (сущность которого определил куда точнее, чем либералы), а потому был вынужден переехать из нацистской Германии в нейтральную Швейцарию, где и прошёл последний этап жизни мыслителя.

Вплоть до кончины Ильин не оставлял своего дела, несмотря на то, что в послевоенные годы уже часто и тяжело болел. В то время, когда многие рус-

ские эмигранты разочаровались в перспективности своей борьбы, он особенно плодотворно пишет на религиозные, политические и общеполитические темы (в том числе свою знаменитую трилогию философских эссе, название одной из частей которой – «Поющее сердце» – так ярко охарактеризовало самого мыслителя).

Особое внимание в последние годы своей земной жизни Ильин уделяет многочисленным «листкам для единомышленников» (составившим впоследствии двухтомник «Наши задачи»), начинающимся со слов: «Борьба продолжается. Знамя не свёрнуто. Правило «Один в поле воин» – остаётся в полной силе». И именно так, один на один, с пером в руке и поющим сердцем в груди, бился Иван Ильин с безбожным и безродным врагом, поработившим Россию в XX столетии. К сожалению, мыслитель так и не увидел её освобождения, скончавшись 21 декабря 1954 г. на чужой швейцарской земле.

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Игорь Чубайс

РОССИЯ И ЗАПАД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ЧТО ПОСЛЕ СВОБОДЫ ИЛИ КАКОВ МАРШРУТ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

История – это несколько циклов, которые постоянно сменяют друг друга. Д. Вико

История – это движение вверх по сужающейся спирали. Г. Гегель

История – это чередующиеся взрывы пассионарности. Л. Гумилев

История – это хаос и деградация. Надпись на университетской кафедре.

Что такое «сегодня» с точки зрения истории и что такое история с точки зрения «сегодня»? Можно ли считать утверждение идеи свободы окончательным этапом человеческой истории? Каково место прошедшего столетия в более масштабном интервале времени, называемом *нашей эрой*? Попробуем последовательно разобраться в этих вопросах, для чего нам понадобится собрать цепь из нескольких философских звеньев. Мы выстроим концепцию из четырех теоретических сюжетов.

СЮЖЕТ ПЕРВЫЙ. О ПРОТИВОРЕЧИВОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Два главных вопроса, на которые у современной науки нет ответа – о происхождении жизни и о происхождении человека. Можно сказать и иначе – на эти вопросы есть ряд ответов, ни один из которых не может быть назван общепризнанным. Остановимся на втором вопросе – о возникновении человека. Напомню одну из гипотез, существенную для нас не спорными деталями, но обобщающими концептуальными выводами. Итак, время – полтора миллиона лет назад, место – юго-восточная Африка. Бурные тектонические процессы привели к выбросу на поверхность земли пластов породы, содержащих радиоактивные компоненты. Началась стихийная ра-

диоактивная бомбардировка местности, в результате которой у растений и животных происходили разного рода мутации. Многие мутанты оказывались нежизнеспособными и довольно быстро вымирали.

Среди прочих млекопитающих, в число облученных попадали и обезьяны. Нарушение их генетического кода также порождало множество изменений. Наши предки вынуждены были перейти к прямохождению на двух задних (нижних) конечностях, а значит, стали двигаться медленнее; исчез прежний покров из шерсти, и потому они стали замерзать; исчезли клыки, а вместе с ними и возможность охотиться на соразмерных животных... Произошел и ряд других негативных изменений, в результате предшественники человека оказались перед столь же прозрачным, сколь и драматическим выбором – или погибнуть, или *искусственным путем* компенсировать потерянное. Это удалось сделать с помощью труда. И вот 50 тысяч лет назад появился гомосапиенс, наши предки спасли себя, перейдя к активной трудовой деятельности, которая другим животным просто не требовалась.

Из сказанного вытекает, что природа человека двойка и противоречива – с одной стороны, это животное естественное, возникшее из своих предшественников, существовавших в самой природе, с другой стороны, сохранение себя требует искусствен-

ной активности, не заложенной в природе. (Сейчас в Москве осень, и когда я бываю за городом, порой вижу стаи птиц, перелетающих в теплые края. Птицы, как и все животные, вставлены в достаточно четкую экологическую нишу, к температурным изменениям они адаптируются естественно, перемещаясь в пространстве. У людей все иначе, само по себе ничего не происходит, к зиме мы «не перелетаем», но готовим теплую одежду, утепляем свои дома...)

Итак, сохранить и продолжать свой вид человек не может, не прибегая к искусственным приемам. (Вообще говоря, не исключено, что существуют и иные способы адаптации, но пока они нам просто неизвестны.) Разрыв между константностью естественных запросов и рискованностью искусственного способа их реализации порождает две линии в истории. Одну – более банальную, естественную и примитивную: история человека есть история его материальных потребностей. И вторую: история человека есть также история разного рода искусственных правил реализации этих потребностей, есть *история ключевых идей*, которые регулируют человеческие потребности и создают способы их реализации с тем, чтобы последние не разрушили природу, чтобы не- или противоестественное в человеке пребывало в определенном согласии с естественным миром, было бы в него вписано. Задача поддерживать соответствие, согласие внутри и между неестественным и природой, между человеческим сообществом и органическим миром, задача адаптировать и вписывать искусственное в естественное, сохранив первое и не деформировав второе, имела самые разные решения в истории. Собственно, история человечества и есть в определенном смысле история нахождения и смены разного рода фундаментальных идей–принципов такого взаимоувязывания.

СЮЖЕТ ВТОРОЙ. КАК БЫЛА УСТРОЕНА СИСТЕМА СООТНЕСЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО ДО СЕРЕДИНЫ XIX В. ИДЕЯ ХРИСТИАНСКОГО БОГА КАК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Правила и приемы, используемые людьми для того чтобы сохранить себя, человеческое сообщество, жизнь, не разрушая при этом и природу, представляют собой сложное полисистемное образование. Есть конкретные, локальные узкопрофессиональные, квалификационные или возрастные нормы, существуют более широкие национальные и региональные традиции, имеется и определенный, не слишком большой набор универсальных, общечеловеческих правил и метарегуляторов. В число наиболее общих и одновременно всеохватывающих нормативов можно включить мораль, право, политику, науку, искусство, здравый смысл, религию.

Если теперь задаться вопросом – как была устроена система *универсальных нормативов* западной цивилизации на протяжении многих столетий – с начала нашего летоисчисления, т.е. с периода утверждения христианства и до середины XIX в., ответ будет следующим. Вся эта система строилась на *идее Бога*, Бог был мерой всех вещей и отношений. Канта, как

известно, изумляли два чуда – звездное небо над головой и нравственный закон в душе. Но и мир сотворен Богом, и мораль скрепляют заповеди и *библейская* идея страшного суда. Правовые нормы тоже имеют божественное происхождение, ибо первые законники – понтифики и жрецы, а уже упоминавшиеся заповеди включают не только моральные, но и правовые запреты. Политические системы многих европейских государств были производными от их монархического устройства, а монархия сохранялась столетиями потому, что первое лицо государства – это не обычный человек, но «помазанник Божий». Здравый смысл, еще один регулятор, пронизывали поговорки, где все сюжеты, так или иначе, восходили к представлениям о Боге. В искусстве библейские сюжеты долгое время были единственными или преобладающими. Во всей этой многоплановой системе лишь связь науки и религии оказывалась более сложной и опосредованной.

С конца XIX столетия западный мир перешел к иной системе ориентации и адаптации, особенности которой мы проанализируем чуть позже. А сейчас сравним «плюсы» и «минусы» христианского проекта. Первое и, пожалуй, главное преимущество подобной системы – ее устойчивость, удивительная для современного человека стабильность, способность к самосохранению. На протяжении 15–18-ти столетий мир выглядел достаточно гармоничным, сбалансированным и в то же время *постепенно, плавно, неспешно развивающимся*. Это развитие затрагивало и сферу производства, экономику, и сферу культуры, образования, здравоохранения. *Относительно* (подчеркнем это слово, ибо сравнение происходит не с неким идеальным оптимумом, но просто с современными нормами) невысокий уровень жизни – одна из главных, скажем осторожно, но особо положительных характеристик той эпохи. Впрочем, массовая смертность от голода тогда не происходила. (Она типична, скорее, для нашего времени огромной поляризации, когда существуют миллионеры и миллиардеры, но каждый пятый житель планеты ложится спать голодным.) Тогда же случались периодические эпидемии. Эффективные средства борьбы с холерой, оспой, чумой были созданы лишь 100–150 лет назад. Существовала, конечно, и преступность – на суше и на море – как способ перераспределения доходов. Последнее осуществлялось и с помощью часто повторявшихся войн.

Если бы меня попросили графически представить маршрут, пройденный западным сообществом с момента утверждения христианства и до середины XIX в., я бы прочертил длинную, непрерывную, плавно и незаметно поднимающуюся линию, идущую слева направо. А теперь посмотрим, что было дальше.

СЮЖЕТ ТРЕТИЙ. ПОСЛЕ ВЕКА XIX. КАКАЯ ИДЕЯ ВПИСЫВАЕТ ИСКУССТВЕННОЕ В ЕСТЕСТВЕННОЕ ПОСЛЕ «ГИБЕЛИ БОГОВ». НУЖНЫ ЛИ НАМ ТОТАЛИТАРИЗМ И СВОБОДА ИЛИ ПОЧЕМУ КРАЙНОСТИ СХОДЯТСЯ

Конец теперь уже позапрошлого века был для Европы временем радикальной смены идей. Ф. Досто-

евский и Ф. Ницше одновременно почувствовали приближающийся кризис христианства. Правда, при этом русский мыслитель сокрушался, ибо, если Бога нет, – все дозволено (сегодня приходится добавить – и человека не будет), а немецкий был полон оптимизма, ведь «гибель богов» (название музыкального сочинения ницшеанца Р. Вагнера) повлечет распад связывающей индивида старой морали и, значит, вызовет к жизни новую, свободную личность.

Отказ от центральной, системообразующей роли христианской идеи породил вакуум, который был заполнен очень быстро, но не очень удачно. Главной европейской идеей стала *идея тоталитарного вождя*, который все знает, все может и указаниям которого все обязаны следовать. Место бога в секуляризирующихся обществах занял человеко-бог, обретавший в разных странах национально окрашенную форму – фюрера, дуче, каудильо. История европейского тоталитаризма еще свежа в памяти, многие (хотя далеко не все) ее аспекты хорошо исследованы и проанализированы. Главные особенности такого мироустройства сводятся к следующему. *Подобная система претендует на абсолютное упорядочивание и рационализацию жизни, на исключение всякого хаоса и неправильности.* Вождь легитимирует свою власть тем, что утверждает познанность законов истории, от имени которых он и действует. Христианство сменяют разного рода «измы». (Учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Фюрер признается главным толкователем *идеи*, на его долю выпадает также ведение непрерывной борьбы за её чистоту.) Мораль, право, здравый смысл все в таком государстве оказывается подчиненным и основанным на новой идее, подобно тому, как прежде все метарегуляторы выводились из христианского начала.

Тоталитарный способ социальной организации действительно ведет к известной упорядоченности. Странники Сталина обоснованно вспоминают реальные плюсы старой системы – снижение цен, устранение детской беспризорности, преступности, отсутствие наркомании, проституции... Сталинисты справедливо отстаивают идею порядка в государстве, но при этом совершенно не хотят замечать главное. Тоталитарная идея оказалась крайне нестабильной, краткосрочной и, выражаясь несколько цинично, сверхдорогостоящей, ибо для ее поддержания требовались огромные материальные ресурсы и неизвестные прежней истории массовые человеческие жертвоприношения.

Эпоха фюреризма неизбежно связана с агрессией и войнами. Ведь вождь провозглашает себя человеком всезнающим и, в первую очередь, понявшим, как должен быть устроен этот мир. Зная, где находится «светлое будущее», он обязан ввести туда все человечество, почему-то вовсе к такому будущему не стремящееся. Другой генератор агрессии связан с тайным комплексом неполноценности. Объявив себя «высшим» и не будучи таковым в действительности, фюрер должен устранять тех, кто ему не верит, с ним не согласен, кто просто элементарно выше его. Так начинается внешняя и внутренняя война (в Со-

ветской России вторая оказалась гораздо более кровавой, чем первая). И что же дальше?

Мировая война 1939–1945 гг. а это, в первую очередь, война Сталина и Гитлера, должна была закончиться чьей-то победой. Советский Союз победил и на 50 лет законсервировал систему, которую он разрушил на западе континента. Но победитель зачастую не знает, как много он потерял. Плодами победы воспользовался не он, и лишь полтора десятилетия назад восточный блок начал переходить к демократии и свободе. (Конечно, стоит уточнить, что война для руководителей государства и для рядовых бойцов – вещи разные, миллионы Матросовых, Талалихиных, Гастелло стремились спасти своих близких, свои дома, свою землю, а не какие-то идеологии и «измы».)

Религиозный кризис, дополненный кризисом вождизма, привел людей к полному разочарованию в авторитетах. Верить оказалось некому, а значит, рассчитывать остается лишь на самого себя. Следствием этого процесса стало превращение идеи свободы в высшую ценность. Главным становится отказ от всяких внешних, несозвучных собственным настроениям и желаниям правил. История российской свободы заметно короче свободы западной, но, может быть, поэтому она оказывается более насыщенной и поучительной.

Мы и раньше догадывались, что сломать тоталитаризм можно лишь в условиях свободы. Надо было только собрать стотысячный митинг и гаркнуть в микрофон, что король – т.е. власть, КПСС, политбюро – голый. И после десятка-другого подобных акций король действительно исчез. *В отказе от внешних, фальшивых правил роль свободы бесценна.* Но неземной восторг от полной свободы, какое-то время продержавшись, затем начал плавно растворяться. Утверждение свободы сегодня порождает все новые и новые проблемы.

С одной стороны, объявив себя свободным и ничему не подвластным, человек тем самым объявляет излишним весь предшествующий человеческий опыт. За свою историю люди что-то поняли, к чему-то пришли, что-то осознали. Но свободный человек как бы выше всех этих достижений, он действует, отменяя все сложившиеся нормативы, превращая себя, таким образом, в нового дикаря.

Отменив вековые табу, индивид снимает запреты также и со своих собственных (а не только внешних) страстей и инстинктов. А эти инстинкты хорошо известны – эрос и танатос, удовольствие и разрушение. Нетрудно ответить на вопрос, упрощающий, но и иллюстрирующий исследуемую ситуацию: что выберет свободный телезритель, если по одному каналу ему предлагают беседу о творчестве Достоевского, а по другому демонстрируют группенсекс. Снижать нормы и нравы куда как проще, чем их возвышать, ибо это заложено в самой психобиологической природе индивида и противоречит искусственной культуре. Под горку всегда легче, чем в горку. Больше аудитория, выше рейтинг, дороже реклама, солидней дивиденды, еще больше аудитория, еще больше дивиденды и так далее, круг замк-

нулся. Как можно человека специально спаивать, так можно его и специально оболванить. Причем, такое оболванивание представляется страшно привлекательным, заманчивым. «Бери от жизни все», «Райское наслаждение...», «Два удовольствия в одном» – слышим мы милейший женский голос...

На обложках журналов не увидать новых моралистов, проповедников, интеллигентов и интеллектуалов, зато глянцевого Клаудий Шиффер и Михаэлей Шумахеров хоть отбавляй. И все это в то самое время, когда экстремизм, экология, история бросают все новые и новые вызовы. Ситуация абсолютной свободы, как это ни странно, смыкается с абсолютным тоталитаризмом. Человек хочет сам определять пол своего ребенка, а скоро сможет его клонировать. Но по какому праву мы навязываем биомииру свои прихоти, весьма приблизительно сознавая их последствия? Решая все самостоятельно и свободно, человек всему окружающему диктует свою субъективную волю, не обусловленную объективными законами природы и общества.

Баланс плюсов и минусов системы, построенной на абсолютизации принципа свободного выбора, построить не сложно. Небывалый прежде рост достатка, материального благополучия, сказочный уровень потребления «золотого миллиарда» сопровождается повсеместным разрушением природы и климата, исчезновением многих видов животных и растений, истощением природных ресурсов. Абсолютизация гедонизма и обожествление денег тесно связаны с массовой наркоманией, ростом преступности и торговли оружием (самые доходные сферы бизнеса), сексуальными эпидемиями, распадом семьи, деградацией новых поколений. Гигантский рост городов, невероятное увеличение численности населения планеты все сложнее сдерживать и регулировать. Традиционные метарегуляторы, существование которых позволяло вписывать искусственное в естественное – мораль, право, здравый смысл, искусство – с потерей Бога утратили фундамент и все больше расшатываются и релятивизируются. Возможность устойчивого существования социальной системы, абсолютизирующей идею свободы, представляется весьма сомнительной. А извечные российские вопросы – «что делать?» и «кто виноват?» – дополняются вопросом для всех – «что дальше?». И если попытаться графически изобразить путь, пройденный западным сообществом с конца XIX в. (от рождества Христова, которое фактически перестало служить главным ориентиром), эпоха безбожеского, тоталитарно-свободного времени должна предстать мечущейся то вверх, то вниз ломаной линией, ибо одни показатели необычайно подскочили при резком снижении других, прежде стабильных и неизменных. И все это дополняется ускорением социального времени, ускорением смены знаков и значений происходящих событий и разворачивающихся процессов. Общим местом стали рассуждения об информационном взрыве, об ускоренной смене картин мира. Но если сам мир меняется несопоставимо медленнее, чем его картины, значит, эти картины неправильные. Верную картину менять было бы просто незачем.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ И ОТСТУПЛЕНИЯ

Анализ тоталитарной и либеральной практики показывает, что обе эти идеи по разным причинам оказываются неэффективными. И индивид и общество в целом, несомненно, нуждаются в высших авторитетах, учителях, идеях и регуляторах, но эти «высшие» ни при каких обстоятельствах не должны быть обманым путем навязанными, не должны быть лживыми и насильственно утверждаемыми. Поэтому индивид и общество нуждаются также в свободе, в праве на критику, на оспаривание внешних норм, в возможности отказа от предлагаемых правил, но этот отказ должен происходить в рамках культуры и исторического опыта, а не вне их, ибо отказ от всяких правил есть возвращение в дикость. Полемика, которая то более, то менее остро происходит в нашем обществе – выносить Ленина из мавзолея или нет, восстанавливать памятник Дзержинскому или нет, запрещать компартию или нет, – суть обыденная форма поиска высших регуляторов с учетом российской специфики. По существу, ту же подоплеку имеет межцивилизационный спор между исламом и либерализмом. Но полезно, на наш взгляд, допустить, что истина и на этот раз оказывается не с краю, а посередине. Между тоталитаризмом и либерализмом существует большое пространство для маневра.

СЮЖЕТ ЧЕТВЕРТЫЙ. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ПОСТРОЕНИЕ ПРОГНОЗОВ. ЧТО ПОСЛЕ СВОБОДЫ. КАКАЯ ИДЕЯ СТАНЕТ СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЙ. КАКОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАРШРУТ НАМ НУЖЕН. ГРЕЗЫ О НЕВОЗМОЖНОМ?

Хаос и соблазнительная дисгармония современного мира вызывают опасения не только автора данной статьи. Римский клуб, «Грин пис», антиглобалисты, партия голосующих «против всех» и другие гражданские объединения призывают остановиться и задуматься. Давайте и мы продолжим наш анализ.

Система, особенно сложная, многомерная система, утратившая единое начало, общее основание и фундамент, неизбежно идет в разнос. Но каким может быть унифицирующее основание и может ли оно существовать вообще? Как создать нормальные, органичные, нетоталитарные правила, есть ли что-то среднее между абсолютной вседозволенностью и абсолютным запретительством – вот в чем главный вопрос, основная проблема современного мира. Для того, чтобы мораль, право, искусство, политика, здравый смысл не противоречили друг другу и были устойчивыми, они должны выводиться из *единого, абсолютного, из неограниченного и беспредельного*. Всякий конечный и ограниченный фундамент личного или группового опыта рано или поздно исчерпывается и рассыпается. Неисчерпаемо лишь бесконечное, всеобъемлющее, то есть Бог. Значит, без такого высшего регулятора и высшего начала сохранять себя дальше социуму будет весьма затруднительно.

Обществу нужен порядок, но не искусственный, без террора и сталинизма. А гармоничный порядок порождается лишь божественным. Образованному, интеллектуально подготовленному обществу нужна и свобода, но без хаоса и самораспада. Значит, свобода, вместе с другими регуляторами, моралью, правом и т.д., прочность которых гарантирует лишь происхождение из высшего. В моральном и вновь уверовавшем сообществе восстановится адекватное регулирование, точнее саморегулирование, и ограничение ныне гипертрофированных материальных потребностей. (Ежегодно планируемый разными правительствами рост производства и душевого потребления, в перспективе нереализуемый, перейдет в плоскость более справедливого распределения и оптимизации производства.)

Высшей ценностью не должны быть деньги или бесконечные земные удовольствия, всякая социальная активность должна подразумевать ее подчиненность, ее выводимость и ее в конечном счете соответствие некоей сверхзадаче, воплощенной и содержащейся в бесконечном высшем начале. Каким может быть это начало, каким может быть новый и вечный Бог? Обратимся к истории человека, а значит – и к истории религии, ведь без веры человечество не существовало никогда. Большую часть своей истории люди были язычниками. Каждое небольшое племя поклонялось собственному тотему, который не был высшим началом для соседних племен. Население планеты было невелико, разные племена пересекались не так уж часто, а если это случалось, как правило, возникал конфликт. Разнобожие этому лишь способствовало.

Постепенный рост населения планеты и растущая частота межплеменных столкновений были не последними факторами рождения мировых религий. Появление иудаизма, христианства, ислама объединило огромные массы людей. После становления этих конфессий конфликты между единоверцами, конечно, не исчезли, но заметно уменьшились, ибо церковь всегда осуждалась. Братья во Христе, понятное дело, реже борются друг с другом, как и представители одной и той же исламской уммы. Сегодня мы вступили в глобальный мир, где активно взаимодействуют представители разных вероисповеданий, где сталкиваются «верные» и «неверные», верующие и неверующие. Неудивительно, что конфронтация сложившихся религиозных систем, особенно ислама и неисламского мира, увеличивается. Ведь ислам заметно моложе христианства, он более активен и энергичнее действует в направлении сохранения традиционных норм и правил. По существу, именно ортодоксальный ислам выступает сегодня главным оппонентом либеральной идее вседозволенности.

Можно ли эту конфронтацию устранить? Где выход? Он не в том, чтобы одни выжили за счет других, как по существу утверждают и С. Хантингтон и Усама бен-Ладен. Выход в обретении единого Бога. И если модные исследователи глобализации сменят акцент с анализа поверхностных, количественных экономических и политических изменений на инте-

рес к фундаментальным, качественным ценностным трансформациям, если они поддержат идеи экуменизма, теперь особенно актуальные, дело сдвинется с мертвой точки. Впрочем, логическая последовательность – не самый сильный аргумент, превращающий утопию в действительность. Да и удастся ли найти Христа, Будду и Магомета в едином обличье?

И все-таки, несмотря на очевидную сверхтрудно-реализуемость построенного прогноза, может быть не стоит объявлять его полной утопией. Приведу в его поддержку еще один аргумент – «от противоположного». В истории XX в., особенно это касается истории нашей страны, целый ряд важнейших, эпохальных и общезначимых событий получал абсолютно искаженную, иногда просто фальшивую интерпретацию. Некоторые важнейшие мифы сохраняются десятилетиями и продолжают существовать сегодня. Почему же в таком случае то, что вполне соответствует действительности, не может рассчитывать на какую-то реализацию? Если люди, над которыми вся страна смеется, успешно проходят процедуру «демократических выборов», почему то, что действительно позитивно и востребовано, следует объявить нереализуемым?

Нужна дискуссия – существуют ли иные проекты выхода из сложившихся проблем. Пожалуй, единственное, чего не стоит делать – это игнорировать проблемы, порождаемые ориентацией на свободу. Стоит также не забывать о сказанном в первом сюжете – человеческое существование изначально рискованно и противоречиво, процесс приспособления человека к природе будет продолжаться до тех пор, пока человек существует.

Поиску высшего основания, высшего начала должна предшествовать определенная ценностная переориентация культуры. Если главными героями современного социального театра будут оставаться *потребительство, безмерное удовольствие, доллар и развлечение*, вычленение новых идей окажется делом непопулярным, непрестижным, социально невостребованным. Героями нашего времени должны стать люди духа, люди интеллектуального поиска, люди морали, праведники и правдоискатели. Способны ли быть трансляторами подобных идей современные коммуникационные каналы и главный из них – телевидение – вопрос открытый.

А если все-таки «общий знаменатель», гармонизатор и надежный фундамент метаправил, вписывающих и увязывающих искусственное в природе человека в само природное и естественное, будет найден, то маршрут нашего последующего движения, после нескольких зигзагообразных рывков, может опять спрямиться и подровняться. Движение истории, корректируемое множеством метарегуляторов, станет более уравновешенным, спокойным и замедленным. Оно начнет плавно переходить в линию, постепенно поднимающуюся над горизонтом, примерно так, как это происходило почти два тысячелетия в добезбожеские, христианские времена.

Произойдет это или нет – мне кажется, об этом стоит поспорить.

Андрей ЗУБОВ

«УПАДОК И СОМНИТЕЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ РОССИИ»*

Здесь мы подходим к центральной теме книги Т. Грэма, да и к центральной теме сегодняшней русской жизни как таковой. Беды сегодняшней России суть ее извечные особенности, ее постоянные пороки, или же это – следствия ошибочного склонения народной души в начале XX в., советской порчи и сложностей выхода из коммунистической тотальной лжи? Грэм, и в этом главная особенность его книги, стоит на первой из названных позиций.

На первой странице он вспоминает слова, сказанные главным архитектором американской политики в отношении России при Клинтоне, заместителем государственного секретаря США Стробом Тэлботом в сентябре 1997 г. в Стэнфордском университете: «Россия находится на завершающем этапе начала своего пути. Возможно, она уже стоит на старте прорыва к демократии и к процветающей экономике... Как могла американская администрация (Клинтона – А.З.) и её сторонники так недооценить трудности преобразования России в рыночную демократию? – задаёт риторический вопрос Грэм и сам тут же отвечает на него: – В большой степени объяснение лежит в отрицании ими значения истории и в неумении вполне понять роль культурного контекста. Дело в том, что Россия не похожа на те Центрально- и Восточноевропейские страны, которые значительно успешней, чем она, строят рыночную демократию на развалинах коммунистической системы. Не похожа Россия и на сами западноевропейские государства в ту их пору, когда два-три столетия назад они приступили к созданию таких демократий. Сущностные различия лежат в самой природе наших государств» (с. 5-6).

В чём же заключаются эти «сущностные различия», которые «вовсе не позволяют России именоваться государством в Европейском смысле этого слова большую часть её истории» (с. 6) и, одновременно, делают «Россию Путина новым изданием традиционной (досоветской – А.З.) русской политической системы» (с. 59)? Грэм чётко перечисляет эти принципиальные несходства несколько раз на протяжении книги (с. 6–8, 30, 59–60).

Первое – это само понятие власти. Грэм мифологизирует русское слово «*власть*», оставляя его без

перевода, транслитерируя. «Слово это не имеет точного эквивалента в английском языке. Оно – смешение понятий power и authority и несёт в себе как смысл законности (legitimacy), так и смысл своевольности (arbitrariness)» (с. 6). Транслитерации всегда заворачивают тех, кто не знает языка, а именно тем, кто не владеет русским, но интересуется Россией, адресована книга Грэма. Но если мы посмотрим на те переводы слова *ἐξουσία* греческого подлинника Нового Завета, которые в русском синодальном переводе XIX в. отображены словом «*власть*», –

Власть есть ценность для любого общества, будь то общество западное или восточное. Безвластие повсюду переживается как страшная беда.

«Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18), «Ты дал Ему власть над всякою плотью» (Ин.17,2), «Нет власти не от Бога» (Рим.13,1) и т.п. – во всех них классический английский перевод короля

Якова даёт слово «power». И это потому, что власть повсюду в религиозном обществе мыслится как «дар Божий», повсюду же любой дар свыше человеку можно и приумножить, когда он действует в единстве, в симфонии с Богом, и исказить до разрушительного сатанинского действия, когда человек прямо или косвенно отказывается от сотрудничества со своим Творцом. То же и с властью. И в Англии и в России она не несла в себе магической безусловности, ценности и силы «самой по себе», как мана или оренда в теории аниматизма Р.Р. Маретта, но всегда была обусловлена отношением власти имущего к этому дару Божьему, что вполне естественно для людей теистической религиозности. Власть могла быть и устрояющей и разрушающей, и благой и злой. Пока человек не научился верить Богу, он всегда ощущал божественный источник своей силы, своей власти – power.

Власть есть ценность для любого общества, будь то общество западное или восточное. Безвластие повсюду переживается как страшная беда. По индийской мудрости, надо сначала возвести на трон царя, а потом уже жениться или строить дом, «ибо в мире без царя, что станет с женой и имуществом?» (Махабхарата 12, 57, 41). В условиях военного времени, в обстоятельствах крайней опасности значение власти, власти единоначальной и абсолютной возрастает. Единоначалие в армии – общепринятая норма, отход от которой в военное время всегда грозит войскам гибелью. Возможно, в России, из-за её веками пограничного положения со степью, с кочевыми народами, на границе европейско-христианской цивилизации, а также как результат четвертьтысячелетнего иноземного и иноверного ига, пиетет перед

*Окончание. Начало см. в № 3, 2003.

Размышления над книгой Томаса Грэма (Thomas E. Graham, Jr. «Russia's Decline and Uncertain Recovery» Carnegie Endowment for International Peace, Washington, 2002), написанной при поддержке фонда Дж. и К. Макаруров.

государственной властью был несколько большим, чем у более защищенных народов внутренней Европы, но власть никогда не ставилась в России на место Бога и Его закона.

Скажем, власть Бориса Годунова запечатлелась в русском народном религиозном сознании как нечестивая сила «властолюба и злого раба», власть Лжедмитрия – как власть самозванная и потому – незаконная и дурная. Власть же, которую вручил Земский Собор в 1613 г. Михаилу Романову, была властью святой, от Бога. Хотя, когда и этой законной властью злоупотребляли сын и внук Михаила в отношении, например, старообрядцев, они осуждались ими и считались «антихристами» при всей юридической законности их царской власти. Так что никакая земная власть не была святыней сама по себе ни в России, ни в Англии, но становилась таковой только

при соединении человеческой праведности с Божественной силой. Это, на самом деле, прекрасно знает и Грэм: «Власть отнюдь не была неограниченной. В действительности, от эпохи Московского Царства и вплоть до русской революции 1917 г. те, кто осуществляли *власть*, действовали в рамках множества нравственных, культурных, экономических и политических ограничений» (с. 7).

Только в советский период ценностью и идиологом стала власть «сама по себе», та самая «ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно насилие опирающаяся власть» диктатуры большевиков, о которой с наглой откровенностью писал Ленин¹. Безбожный большевицкий режим с его идеологией «диктатуры пролетариата» впервые дал нашему обществу архилатрию – поклонение власти как таковой, культ государственной силы. Но германский нацистский режим, освободивший «истинного арийца» от тенет совести и нравственности, сделал то же самое. Обожествление власти самой по себе – это, скорее, не национальное качество, но особенность массового сознания тоталитарных сообществ, отказавшихся от внеположенного им нравственного императива. Историческая предрасположенность к благоговению перед даром власти имеет некоторое значение для принятия обществом этого тоталитарного догмата, но отнюдь не детерминирует такое принятие. Только потеря народом веры в Высшего подателя любой власти делает *безусловной* святыней и саму эту власть и ее земных носителей – вождей, фюреров, дуче и иных «кормчих и рулевых» обезбожившихся людских сообществ. И так произошло много где в XX в., а отнюдь не только в России.

То же самое можно сказать и о второй национальной отличительной особенности, усмотренной Грэмом в России в сопоставлении с иными европейскими странами. «В России не было четкого разграничения между понятиями политического владения (sovereignty) и владения имуществом (ownership), между публичной и частной сферами жизни, между правительством и предпринимательством. В течение большей части эпохи царей... право на землепользование было обусловлено обязанностью службы монарху» (с. 6-7, 59).

Это – очень существенное замечание. Оно ставит своей целью убедить читателя, что не только политические (идея абсолютной власти как высшей ценности), но и экономические (контроль государства над всей собственностью) особенности советского тоталитаризма зиждутся на специфических особенностях

русского общества. А из этого делаются два принципиальных вывода: во-первых, русское общество обречено на деспотию и, во-вторых, Западу не грозит тоталитарный строй, ибо история Запада не содержит таких, как у русского общества, политических и экономических предпосылок.

Между тем, как и в случае с властью, в вопросе частновладельческой собственности в России всё обстоит совсем не так однозначно, как утверждает Грэм. Во-первых, и на современном Западе частное и государственное совсем не разделены непроходимой пропастью, но связаны друг с другом (а иначе не было бы государства) через институты представительной демократии, закон и налоги. В современном западном праве социальная ответственность частного собственника стала признанной нормой. Если некий заводчик из года в год не будет платить налоги, будет производить общественно вредные вещи или загрязнять окружающую среду, то в конце концов он, скорее всего, лишится и свободы и собственности.

Для средневекового общества, жившего в основном в системе натурального хозяйства, налог уплачивался, как правило, не деньгами, а службой, трудом. Вассал служил сюзерену (а следовательно, и обществу в целом) как воин, его сервы – как слуги, земледельцы, скотоводы. Если вассал не выходил на войну своего короля, а мужик отказывался пахать поля господина или уплачивать ему оброк – их ждала одна незавидная участь, которая редко ограничивалась только изъятием имущества. Служба, тягло – форма государственного налога. Но как и современный государственный налог, он не отрицает собственнических прав, но, напротив, проистекает из них.

Только в советский период ценностью и идиологом стала власть «сама по себе», та самая «ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно насилие опирающаяся власть» диктатуры большевиков о которой с наглой откровенностью писал Ленин. Безбожный большевицкий режим с его идеологией «диктатуры пролетариата» впервые дал нашему обществу архилатрию – поклонение власти как таковой, культ государственной силы.

По вопросу о формах собственности как в допетровской, так и в императорской России существует огромная научная литература². Говоря коротко, существовали две формы владений знати – вотчинная и помещичья. Вотчинник владел землями по принципу наследственного безусловного права. Его имущества могли быть отобраны в казну только за преступления, а в нормальной ситуации владелец свободно распоряжался ими. Это – «отчина», собственность предков, на которую царь никаких прав не имеет, кроме права налога – службы. Помещичьи земли – это земли Государя, дающиеся «в кормление», во временное пользование. Фактически, доходами с земли, земельной рентой, но не самой землей оплачивает Государь услуги своего слуги. Помещичьи земли до указа Петра III о вольностях дворян от 18 февраля 1762 г. – собственность условная. Ими помещик свободно распоряжаться не может, но может с них жить. В XVII – начале XVIII вв. происходит постепенное превращение вотчин в наследственные неотчуждаемые помещичьи владения, за которые помещик обязан Государю службой. Также и поместья в XVII в. постепенно приобретают черты вотчин. «В XVII веке правительство разрешает мену поместий между служилыми людьми и допускает завещание поместий “в род” помещика. Наконец, некоторую часть поместий правительство само жалует “из поместья в вотчину”»³.

Поместье, в отличие от вотчины, было заработной платой за труды дворянина. Так же как заработная плата прекращает выплачиваться, когда прекращаются труды, так же отбирается и поместье. Но в течение XVII–XVIII вв. мы наблюдаем устойчивую тенденцию к приватизации *источников* дохода служилым сословием. Таким образом, можно смело утверждать, что частная собственность *de facto* становится доминирующей формой земельной собственности по крайней мере со времени Уложения 1648 г.

Указы Петра III о вольностях дворян не создали класс свободных собственников, но сменили тип служения дворян с «барщины» на «оброк», то есть с обязательной личной службы Государю на денежную выплату налога с имущества.

Податное сословие, крестьянство, хотя *de jure* и не имело земли (земля вся считалась вотчинной или государственной), *de facto* вполне землёй располагало, могло её передавать по наследству, продавать, закладывать⁴. Те пределы, куда «топор, да соха, да коса ходили», считались и миром и Государем частной земельной собственностью. У помещичьих крестьян это право постепенно умалывалось, пока в XVIII в. земля вовсе не перестала считаться их собственностью, но у черносошных, государственных крестьян это право сохранялось всегда. А таких крестьян бы-

ло не меньше частновладельческих. Нужды нет говорить подробно о собственности горожан – ремесленников и купцов. Их права на капитал, дома, инструмент, товары не подвергались сомнению, и некоторые из них весьма богатели на прибыльных предприятиях.

Так что утверждать, что в России никогда не было развитого института частной собственности – нонсенс.

Если бы не было в массовом сознании русских этого комплекса собственника, не было бы Пугачевского бунта, не было бы и большевицкой революции. Ведь главным способом революционизации деревни в начале XX столетия было обещание безвозмездной передачи казенных, церковных и помещичьих земель в собственность крестьян-земледель-

цев – то есть передел частной *собственности*, а отнюдь не её упразднение.

И, наконец, если формы налога-службы, налога-барщины как таковые смущают Грэма, то ведь и современное частное владение, связанное с государством налогом-выплатой утверждается в России с 1762 г. (почти одновременно, скажем, с Германскими или Итальянскими политическими сообществами) и на 150 лет становится основой хозяйственных отношений. 150 лет – срок немалый: это время от Отцов Основателей до президентства Ф.Д. Рузвельта. Можно ли считать, что за полтора века русские так и не привыкли отличать частное от государственного?

Частновладельческими и надельными (общинными) в 1905 г. в 50 губерниях европейской России (без Финляндии, Польши и Кавказа) было более 60% всех земель. И это – лучшие сельскохозяйственные угодья. Причем крестьянам принадлежало в 1905 г. 66% частновладельческой земли, а дворянам – 22%. «Во Франции площадь земли, принадлежащая крупным землевладельцам, занимает 45% удобной для земледелия площади. В Англии почти вся земля находится в руках крупных собственников. В Пруссии из всей земли, принадлежащей частным собственникам, 88% принадлежит среднему и крупному землевладению. Следовательно, земельная собственность в России распределена более благоприятно для земледельческого населения, чем в других странах», – отмечал известный специалист по аграрному вопросу, социал-демократ П.П. Маслов⁵. Такой была картина к началу знаменитых столыпинских аграрных реформ. За 8 лет их осуществления, с 1907 по 1914 г., около 29,8% крестьян, владевших общинной землей подали прошения о выходе из общины на отруб или хутор. Почти 3/4 из них успели до начала Великой войны осуществить свое желание. Кроме того, еще 5,4% крестьян (500 тыс.) стали частными землевладельцами, закрепив за собой зем-

...Перед революцией русский крестьянин отлично понимал, что такое частное владение недвижимостью и, как правило, стремился реализовать возможность стать независимым частным землевладельцем. Большевицкое обобществление собственности, утверждение принципа – чья власть того и имущество – это новые для России явления.

ли в общинах, в которых не было переделов⁶. Таким образом, перед революцией русский крестьянин отлично понимал, что такое частное владение недвижимостью и, как правило, стремился реализовать возможность стать независимым частным землевладельцем.

Большевицкое обобщение собственности, утверждение принципа — чья власть, того и имущество — это новые для России явления. Большевики уничтожили все собственные сословия, убили, заморили голодом и сгноили в Сибири десятки миллионов людей, чтобы отбить у русских общечеловеческую привычку наживать имущество и передавать его детям, работать на себя, а не «на дядю». Сама запредельная жестокость большевиков при насаждении коллективистских форм собственности — лучшее, хотя и страшное, доказательство органичности частнособственнических отношений для России.

Переход от естественного к неестественному всегда очень труден и болезнен, возвращение же к естественному, как правило, намного проще. При отказе от «общенародной собственности», при ее приватизации, не случилось ни гражданской войны, ни вымораживания целых классов. Хотя путь назад, к частному владению, и очень труден, и сопряжен со множеством ошибок, обманов и несправедливостей, он не породил потоков крови, а вызвал, скорее, почти всеобщее желание успеть вскочить на подножку трамвая приватизации.

Однако постсоветская власть пошла не по царскому, но по советскому пути, проигнорировав собственные права, имеющиеся у потомков собственников, лишенных имущества большевиками. В отличие от всей Восточной Европы, новые российские лидеры не стали проводить реституцию собственности, но предпочли всё награбленное дедами большевиками поделить между собой. Для старой России такой подход был бы немислим.

18 января 1906 г., беседуя с депутацией крестьян Щигровского уезда Курской губернии, Император Николай II объяснял: «Вы, братцы, конечно, должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно. То, что принадлежит помещику — принадлежит ему. То, что принадлежит крестьянину — принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам. Иначе не может быть и тут спора быть не может»⁷. Об этом же 13 мая 1906 г. официально объявил I Государственной Думе председатель Совета министров Империи И.Л. Горемыкин: «Разрешение земельного вопроса на предположенных Государственной Думой осно-

ваниях принудительного отчуждения частновладельческих земель, безусловно, недопустимо... Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является во всем мире... коренным устоем государственного бытия»⁸.

Большевики уничтожили все собственные сословия, убили, заморили голодом и сгноили в Сибири десятки миллионов людей, чтобы отбить у русских общечеловеческую привычку наживать имущество и передавать его детям, работать на себя, а не «на дядю». Сама запредельная жестокость большевиков при насаждении коллективистских форм собственности — лучшее, хотя и страшное, доказательство органичности частнособственнических отношений для России.

Заявления эти ясно свидетельствуют об уважительном отношении к праву частнособственнического владения у российской имперской власти начала XX в. Хотя, объявляя частную собственность «священной и неприкосновенной», царская администрация предпочитала не помнить о тягчайшем нарушении этой святости и неприкосновенности при закреплении крестьян в XVIII в.

Нынешнее возвращение к частной собственности — это повторение страшной

ошибки 1762 г., когда, освободив от долга службы дворян, царь не освободил на следующий день от обязанностей тягла крестьян (В.О. Ключевский), но превратил их в рабов на долгие 99 лет, а их земли, находившиеся в условно частном владении, не перевел в категорию безусловно частных, но дал их «просто» приватизировать помещикам. Такое действие царской власти может быть и было политически целесообразным в то время, но безусловно являло собой глубочайшую несправедливость, неправду, которую видели и понимали и крестьяне, и дворяне. Именно поэтому в своих записках по русской истории XVIII в. А.С. Пушкин заметил, что хотя указами 1782 г. «предки наши столько гордились», они их «справедливее должны были бы стыдиться»⁹.

После 1762 г. борьба крестьян была не столько борьбой за личную свободу, сколько борьбой за возвращение прав на свою землю и на собственный свой труд. И эта борьба, объективно завершившаяся в столыпинских реформах (указы от 5 октября и 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г.), но фактически ставшая главным двигателем страшной русской смуты — наилучшее доказательство силы частнособственнического инстинкта в русском мужике.

Инстинкт этот, жестоко подавленный большевиками, может быть возрожден не переделом краденого, но восстановлением собственных прав, существовавших на февраль 1917 г. Об этой проблеме, о реституции собственных прав в России, Грэм почему-то не говорит ни слова, хотя соответствующая практика освободившихся от коммунизма Центрально- и Восточноевропейских стран ему, конечно же, хорошо известна, и так или иначе соотнести с этой практикой сегодняшнюю Россию, как мне кажется, было бы в его исследовании совершенно необходимо.

Итак, неуважение к частной собственности, отсут-

ствие уважения к праву собственника – суть отнюдь не исконно русские установления и особенности, но следствия большевицкой государственности, умноженные большевиками же проведенной «прихватазией» награбленной их дедами частной собственности. Поэтому столь красиво выстроенные Грэмом оппозиции, имеющиеся на Западе и якобы от века отсутствовавшие в России: власть – собственность, общественное – частное, государственное – предпринимательское, отсутствие которых и делает «имущественные права в России всегда условными» (с. 59) – лишь умозрительные конструкции, произвольно опрокидывающие постсоветские реалии в досоветское прошлое и нимало этому прошлому не соответствующие.

Выставление Грэмом знака равенства между дореволюционной и советской практиками отношений частной собственности и государственной власти приводит его к неверным выводам и в отношении причин тяжкой болезни современной России – тотальной коррумпированности ее государственного аппарата. Грэм полагает, что так было в России всегда, потому что всегда собственность и власть в России были неразделимы. «Связь между властью и собственностью делают Россию коррумпированным обществом по определению. В течение большей части русской истории... от государственных служащих ожидалось, что они будут использовать своё положение для осуществления личных интересов, многие чиновники, особенно на нижних уровнях, были вынуждены брать взятки просто для поддержания достойного уровня жизни» (с. 30). «Обладатели власти определяют тех, кто может иметь право на эксплуатацию собственности. Такое переплетение власти и собственности, общественного и частного является главной причиной трудноизлечимой болезни коррупции, беспокоившей (afflict) царскую Россию и ныне поражающей (beset) путинскую» (с. 59).

Осторожность Грэма достаточно велика. Он использует разные глаголы для характеристики места коррупции в старой России и на постсоветском «путинском» пространстве. И все же мы видим ту же схему, что и в разговоре об экономике. Россия и Запад принципиально различны. Коррупция изначально присуща России и причины ее могущества в русском обществе как раз в том, что отличает саму органику западного общества от российского, а именно – извечная нерасчлененность в России властно-имущественных отношений.

О том, что эти отношения и в дореволюционной России различались и при том достаточно четко, уже было сказано. Но из-за неверности посылки ошибочным оказывается и вывод Грэма об извечности рус-

ского взяточничества. Во-первых, коррупция в тех или иных исторических ситуациях была присуща всем государствам, не чужды ей, к сожалению, и современные западные демократические сообщества и, во-вторых, как раз в России последних царствований

коррупция в высшем и среднем эшелоне власти практически отсутствовала. Взятки мог брать околоточный надзиратель с еврея за проживание вне черты оседлости (10 рублей) или пограничный стражник за пропуск через границу без паспорта (3 рубля), но взяточники министры или губернаторы были редким в России явлением уже в царствование Николая Павловича и тем более со времени создания

земских учреждений и независимых судов. Живучи слухи о коррупции в верхах дореволюционной России. Временное правительство и позднее большевики открыли архивы и провели исчерпывающие расследования деятельности царских министров. При всем желании они не нашли этому подтверждений. По поводу обвинений в коррупции бывший товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко писал в своих воспоминаниях (Gurko V.I. Features and Figures of the Past. – Stanford, 1939): «Честность подавляющего большинства высших чиновников не подлежит сомнению. Только тот, кто сам нечист на руку, может теперь обвинять наших высших должностных лиц в коррупции, ведь все государственные архивы открыты и все наши секретные документы опубликованы»¹⁰. Высшие служащие Империи могли отказываться от даров царей, дабы не утруждать государственный бюджет (так поступил в 1914 г. после отставки граф В.Н. Коковцев), или, что, признаться, бывало чаще, выпрашивать единовременное пособие или пенсию (как, например, граф С.Ю. Витте), но запускать лапу в казну или в карман частного лица этика российской государственной службы абсолютно не позволяла.

Приведу один частный, но очень характерный случай. Управляющий дальневосточным отделом переселенческого управления А.А. Татищев в своих воспоминаниях рассказывает об одном из своих подчиненных, М.С. Чубинском, который ведал распределением муки среди испытывавших неурожай крестьян-переселенцев Иманского уезда Приморского края. «При проверке наличности оказалась крупная недостача муки. Честный Чубинский стоял вне сомнений, но, видимо, он не был достаточно аккуратен при проверке наличности зерна, доставляемого на подводах с Имана, а, может быть, и при отпуске муки являющимся за ссудой... Чтобы не подводить человека, в честности которого я был убежден, я не составил тогда акта о проверке склада, а сказал Чубинскому, что даю ему время для приведения в порядок

Высшие служащие Империи могли отказываться от даров царей, дабы не утруждать государственный бюджет (так поступил в 1914 г. после отставки граф В.Н. Коковцев), или, что, признаться, бывало чаще, выпрашивать единовременное пособие или пенсию (как, например, граф С.Ю. Витте), но запускать лапу в казну или в карман частного лица этика российской государственной службы абсолютно не позволяла.

отчетности... Последующим подсчетом обнаружена была нехватка на сумму до 3000 рублей, которые я Чубинскому одолжил и которые он мне менее чем через год полностью вернул. В письме он сообщал, что продал часть земли на Кубани и благодарен мне, что я дал возможность ему избежать предания суду»¹¹. Вот маленькая картинка нравов русских чиновников, сидевших на «хлебном месте» в 1910 г.

Здесь, как и во многом ином, Империя начала XX в. являет собой резкую противоположность Эрэфии конца истекшего столетия.

В сегодняшнем нашем обществе коррупция достигла уже такого масштаба, что правильней говорить не об изъеденности взяткой государственного аппарата, а о редчайших проявлениях государственной ответственности и честности в толпе людей, сделавших свою, как правило купленную или полученную по родству и дружбе с высшей властью, должность доходным бизнесом, от которого, говоря принятым сейчас воровским языком, всегда «отстёгивают»

и начальникам. Недавний доклад Сатарова о коррупции в России рисует ужасающую картину, совершенно не сходную со строем дореволюционной государственной машины¹².

Именно все большее отделение частного от государственного, создание независимых судов и местного самоуправления делали взятку в старой России все менее и менее возможной, а высокие моральные нормы большей части правящего слоя Империи – и нравственно неприемлемой. И именно полное уничтожение частной собственности большевиками, уничтожение самого отношения к собственности как к чему-то священному, при одновременном уничтожении общественной морали и религиозного нравственного сознания сделали взятку главной формой стимула к действию или бездействию чиновника. Да, в советское время взяточничества в таких масштабах не было, поскольку сами деньги были малоценны, хотя обмен неформальными услугами практиковался повсюду¹³. Вспомним Райкина – «ты мне – я тебе». К тому же в первый период советского режима страх попасть в ГУЛАГ или получить пулю в затылок часто пересиливал алчность. Когда же государственная власть в России исчезла и страна стала владением кучки олигархов, взятка стала в нравственном вакууме постсоветского общества обычной формой заработной платы. Реальное соотношение частного и государственного в сегодняшней России лучше всего демонстрирует соотношение зарплаты и взяток в доходах государственного служащего, сидящего на «хлебном месте», где-нибудь в Министерстве по налогам и сборам или в Росвооружении.

Коррупция, воровство и бегство от налогов, что, в конце концов, одно и то же, стали основой хозяйственных отношений только в постсоветской России и в результате ее коммунистического опыта. В России досоветской все болезненные формы лихоимства и мздоимства оставались эксцессами, более или менее распространенными, но никогда не главенствовавшими.

Еще одним аспектом качественного единства докоммунистической, советской и нынешней России

Грэм полагает «преимущественное значение неформальных связей перед формальными государственными установлениями». «Путинская Россия может быть имеет внешне более привлекательную государственную систему, нежели Россия царская, но она действует большей частью тем же самым образом. Кремль живет и сейчас по законам дворцовой политики. Крупные политико-экономические объединения ведут постоянную борьбу за власть и имущество, скрываясь за фасадом

формальных государственных учреждений. Их взлеты, падения и частые перегруппировки являются основным источником динамики российской политики. Неформальные отношения определяют государственные решения, которые потом облачаются в законные формы, становясь решениями президента, правительства или Думы» (с. 59-60). Оценка нынешней ситуации сделана Грэмом совершенно верно. Эрэфия является вотчиной и игрищем олигархических клик. Американский ученый даже утверждает, что «эти мощные политико-экономические объединения по частям приватизировали Россию» (с. 26). С выводом этим нельзя не согласиться. Мне уже приходилось писать, что Россия из государства, пусть при большевиках и преступного, превратилась в частное владение олигархов. *Bonum publicum* перестал осуществляться в России, заместившись на *bona privata* тех самых «политико-экономических объединений» олигархов¹⁴.

Но говорить так об императорской России нет никаких оснований. Да, как и в любом государстве, в России бывали смутные времена, когда слабый монарх выпускал власть и она становилась игрищем фаворитов, но, начиная с консолидации Московского царства при Иване III и вплоть до конца русской монархии нормой было не олигархическое правление при царе-марионетке, но мощное самодержавное властвование, исходящее, опять же за исключением безумств кровавого маньяка Ивана Грозного, в первую очередь из интересов славы, чести и могущества государства Российского, пусть и по-разному понимаемых в течение веков русской истории, но никак

В сегодняшнем нашем обществе коррупция достигла уже такого масштаба, что правильней говорить не об изъеденности взяткой государственного аппарата, а о редчайших проявлениях государственной ответственности и честности в толпе людей, сделавших свою, как правило купленную или полученную по родству и дружбе с высшей властью должность, доходным бизнесом, от которого, говоря принятым сейчас воровским языком, всегда «отстёгивают» и начальникам.

не из интересов отдельных частных лиц, фаворитов, царедворцев, да и самих венценосцев. Большинство русских царей болело душой за вверенную им Божиим Промыслом страну и с готовностью жертвовали своим покоем, здоровьем и даже жизнью ради «державы Российския». И опять же, за последние полтора века старой российской государственности, начиная с воцарения Екатерины II, никаких всевластных олигархов за спиной русских царей не сможет уж точно припомнить ни один историк. А такие «преданные без лести» советники монархов, как граф Аракчеев, граф Сперанский или К.П. Победоносцев, могли давать хорошие или дурные советы, но никогда не использовали влияние на Государя в целях личного обогащения. Они бескорыстно служили России, являя этим разительный контраст и советским правителям, использовавшим завоеванную ими страну лишь как топливо для разжигания мирового революционного пожара, и правителям постсоветским, превратившим замученную их предшественниками Россию в частную латифундию. После Бирона такого на Руси никогда не бывало. Сходства в этом аспекте между старой Россией и РФ нет ни на йоту.

Следующий пункт сходства усматривает Грэм в организации государственного пространства России. «В противоположность поверхностному взгляду, власть в России (всегда) распылена. В центре соперничающие объединения разрушают единство, в провинции – местные властители наслаждаются широким самовластьем... В результате – Москва и не может осуществлять свою волю в провинциях, и не может быть уверенной в поддержке столичных элитных групп» (с. 60). Опять же, для сегодняшнего дня характеристика в целом верная, но никогда со времени смуты начала XVII в. ничего подобного не было в России царской. Власть всегда была крайне централизована, губернаторы регулярно ротировались и назначались по воле царя, никаких местных властных политических элит нигде не было и в помине, может быть за исключением остзейских баронов в Балтийском крае, но это – то исключение, которое только подчеркивает правило, да и эти бароны, при внутренней автономии балтийских губерний, оставались лично лояльнейшими вассалами русского царя, считая себя связанными с ним клятвой рыцарской верности. И в Великую и в гражданскую войну эти немцы не щадили своей жизни, защищая Россию сначала от своих соплеменников, а потом от III Интернационала, с которым кайзер был в беспринципном союзе до последних дней своей власти над Германией.

Как и другие губительные реалии сегодняшнего дня, распад страны стал следствием уничтожения исторической власти в России большевиками, а потом краха их тоталитарной диктатуры над нравственно, социально и культурно опустошенной страной, а отнюдь не очередным проявлением обычной якобы

для России дисперсности государственного пространства. Прочное здание России было взорвано нами в 1917 г. Его руины стянули стальные пояса большевицкого террора. Не знаю, можно ли было восстановить здание, а потом снять скрепы, но у нас сняли скрепы вовсе не позаботившись о здании, и оно рассыпалось.

И, наконец, последней чертой сходства старой и новой России Грэм называет крайнюю разобщенность народной массы и элиты. «Глубокая пропасть отделяет элиту от остального общества. Как и в царской России, в России путинской элита является очень тонким слоем общества (1–2 % от всего населения), уютно устроившимся на высших государственных постах и в ключевых секторах экономики (они большей частью включают экспортно ори-

...За последние полтора века старой российской государственности, начиная с воцарения Екатерины II, никаких всевластных олигархов за спиной русских царей не сможет уж точно припомнить ни один историк.

ентированные прибыльные сферы нефте- и газодобычи и выплавки стратегических металлов, то есть те сферы, которые повсюду находятся под строжайшим государственным контролем, даже если формально они и являются частной собственностью). Хотя в России имеется растущий средний класс, доля которого может достигать 25 процентов населения, он остаётся сконцентрированным в крупнейших городах и, поскольку он не организован, то оказывает, в целом, очень небольшое влияние на политику государства. Большая же часть населения живет на пороге или за порогом нищеты, имея очень мало возможностей повлиять на политическую ситуацию иначе чем массовым восстанием» (с. 60).

И вновь нельзя не признать, что Грэм дал в целом верную характеристику сегодняшней «путинской» России. Разве что со средним классом он пошел на поводу у безудержных оптимистов. В действительности, средний класс, владеющий независимыми источниками доходов, у нас крайне мал. Большая часть тех, кто так себя называет, – обслуга этих полутора процентов нуворишей-олигархов. Это – их врачи, их юристы, их охранники, их шлюхи. В любой момент олигархи могут сделать их нищими, указать на дверь. Да и такого «среднего класса», по моим подсчетам, не более 15–17%¹⁵.

Но цифры – не самое главное. Важна суть. Безусловно, бедой России были две её субкультуры, возникшие из единого культурного целого русского народа в результате ускоренной петровской модернизации. Тонкий слой дворян, те же 1,5%, стали в течение XVIII – первой половины XIX вв. европейцами ценой порабощения, обнищания и одичания громадного большинства своих соплеменников, таких же православных русских людей. Оправдать этот социальный эксперимент Петра и Екатерины II невозможно. Он-то и погубил в конце концов Россию, проложив непереходимую пропасть вражды между европейски образованным интеллигентом и мужиком¹⁶.

Но всё же между нынешним и тогдашним социальным разломом России есть и существеннейшее различие. Русские императоры создавали новый класс, видя в этом единственную возможность быстрой модернизации Империи. И само дворянство создало это и стремилось служить царю и отечеству «не за страх, а за совесть». А от Павла I до Столыпина не прекращались попытки исправить неправду крепостной зависимости. И делали это те самые образованные и обеспеченные 1,5% с полным пониманием нравственной и государственной необходимости «Великой реформы». Беда в том, что плоды их деятельность стала приносить слишком поздно.

Помимо этого, в дореволюционной России действительно сформировался средний класс, владеющий частной, приносящей доход собственностью. Это и разбогатевшие крестьяне, и промышленники, и купцы, и люди свободных профессий, безусловным капиталом которых было блестящее профессиональное образование. И, наконец, и высшие и средние классы России вовсе не смотрели на свое отечество как на источник доходов. Они любили Родину и с готовностью жертвовали ради нее и жизнью и имуществом. В Великую войну на фронт пошли и великие князья, и отпрыски лучших аристократических фамилий, и дети промышленников и банкиров. Многие из них погибли. Служение Отечеству было высшим нравственным долгом, оправдывавшим высокое имущественное и общественное положение. Ныне олигархи и не культурны, и не патриотичны. Получив ни за что баснословные капиталы по прихоти «тусклого» президента Ельцина и происками придворных хитрецов и интриганов, они ни на секунду не готовы служить России, но лишь используют ее богатства для своих прихотей. Слава и мощь страны, благополучие народа нимало их не волнуют. Результат налицо. При старой элите Россия поднималась и укреплялась, и темпы ее предреволюционного развития были удивительны: «Если у больших европейских наций события между 1912 и 1950 гг. будут протекать так же, как они развивались между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего века Россия станет выше всех в Европе, как в отношении политическом, так и в области финансово-экономической», – писал накануне Великой войны известный французский экономист Эдмон Тьерри¹⁷.

Можем ли мы что-то подобное прогнозировать ныне, основываясь на тех же 12 годах (1991–2003) хозяйничанья в России новой русской элиты? И там и тут 1,5% – но это качественно совсем разные 1,5%. Те 1,5% – это действительно цвет нации, настоящая элита, доказавшая, кстати, свою беззаветную преданность России в годы гражданской войны, когда пошла она, никем не понуждаемая, проливать кровь

«за Русь Святую», а отнюдь не за свои поместья, заводы и офицерское денежное довольствие.

Как стыдно, как стыдно сравнивать с ними нынешние 1,5% имущих, также желающих именоваться элитой России...

Томас Грэм написал свою новую книгу в традиционном для современной западной политологии Рос-

сии ключе. Беды России и советской и постсоветской, по его убеждению, суть её извечные беды. И потому Запад не должен опасаться для себя русского сценария. Ведь он, Запад, извечно иной. Как хорошо, если бы это было так, но, увы, это – ошибка. И Россия была когда-то иной страной, нормальной для своего

времени, пусть и немного отстающей в развитии общественных отношений и народного хозяйства от ведущих стран Запада. Но в какой-то момент русский народ выбрал неверный путь решения своих проблем. Не путь терпеливой повседневной работы и в сфере материального производства и в сфере общественно-политической, а путь насильственного перераспределения власти и собственности. Он сознательно нарушил извечные заповеди Божии и сжег свою совесть. И в результате суммы этих личных волевых выборов, а отнюдь не в следствие каких-то объективных законов цивилизационного развития, Россия была ввергнута в величайшие страдания, обречена на десятилетия крови, слез и страха, стала пугалом для многих народов. Нынешнее ее состояние – это последняя (дай Бог – последняя!) фаза расплаты за тот страшный выбор, сделанный русским народом в конце третьего года Великой войны. Боюсь, и даже, более того, совершенно уверен, что и иные народы не застрахованы от извращений своей коллективной воли, от нравственных падений. XX в. дал нам немало примеров этого и в Западной Европе, и в Восточной, и в Азии, и в Америке.

И я хочу, чтобы западные политологи, особенно такие проницательные и нравственно озабоченные, как Грэм, не рассматривали свысока страшный русский опыт как нечто экзотическое и для их обществ в принципе невозможное. Среди своих гениальных догадок Чаадаев высказал мысль, что Россия, возможно, существует только для того, чтобы дать миру какой-то страшный урок. Урок дан. Но воспринят ли он и нами, и миром? Бисмарк сказал когда-то, что на своих ошибках учатся только дураки. Что ж, перед вами чужая ошибка.

И, наконец, последнее. Если бы действительно и 72 года советчины и постсоветское двенадцатилетие были простым продолжением нормального русского бытия, то единственным способом бегства от такой нормы было бы бегство из «ледяной пустыни» России. Шансов для самой России на исцеление в этом случае, действительно, как пишет Грэм, совсем немного (с. 72), а если отбросить присущую ему поли-

...В дореволюционной России действительно сформировался средний класс, владеющий частной, приносящей доход собственностью. Это и разбогатевшие крестьяне, и промышленники, и купцы, и люди свободных профессий, безусловным капиталом которых было блестящее профессиональное образование.

тическую корректность, то их и просто нет. Но если нынешняя наша бедственность – результат неизжитой советчины в душах и обычаях русских людей, то тогда путь лечения ясен. Осознать нравственные ошибки прошлого и, назвав дурное дурным, исправить их последствия в настоящем, возненавидеть свой грех и проклясть его. Тогда душа народа освободится от тяжкого сна и пробудится к нравственной и ответственной жизни. И моменты нашего общественного сознания, проигнорированные американским ученым, – религиозное возрождение и тяга к досоветскому прошлому – дают основания надеяться, что этот процесс духовного возрождения и восстановления национального преемства происходит в сегодняшней России.

Да, пройти этот путь трудно, как путь любой метафизики. Трудно, но – возможно. Правопреемство с до-революционной Россией, реституция собственности, погрязших большевиками, понимание коммунистического как дурного, а антикоммунистического как благого – вот те основные принципы, основываясь на которых возможно избавиться от наследия советчины. Путь этот опробован с большим или меньшим успехом всеми когда-то коммунистическими странами Восточной и Центральной Европы. Эти же, в принципе, методы легли в основу денацификации Германии при союзнической администрации ее западной зоны. Нам путь этот пройти бесконечно труднее, чем и немцам, и чехам, и эстонцам. И времени прошло больше, и уничтожение старого мира у нас было куда как более основательным, и, главное, мы сами избрали для себя этот путь (как и немцы в 1933 г. избрали Гитлера). А от «самоизмышленной пагубы» избавляться куда как труднее.

Но те, кто смотрят на нас извне, не плененные любовью и не ослепленные ненавистью, могут своим трезвым и честным анализом наших исторических путей, наших ошибок и заблуждений очень помочь России не отчаиваться, но, пробудившись от сна самообольщения, исцелиться себе на благо, а миру на пользу.

¹Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 24. – с. 441.

²Последняя из серьезных работ на эту тему, сколь мне известно, – коллективная монография Института российской истории РАН «Собственность в России. Средневековье и Новое время» (М.: Наука, 2001), авторы которой немало не сомневаются в развитых частнособственнических отношениях в России начиная с домонгольского времени. Так, в середине XVII столетия 16% обрабатываемой земли находилось в собственности церкви, 56% – бояр и дворян, 8% – Дворцового ведомства, 20% – черносошного крестьянства, однодворцев и других категорий мелких лично свободных владельцев (с. 50). В этой же монографии приводится и подробный обзор литературы по теме более чем за полтора столетия.

³Пушкарев С.Г. Обзор Русской истории. – СПб., 2000. – с. 241.

⁴См. об этом подробнее в работе Богословского М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке, тт. 1–2.

⁵Маслов П.П. Аграрный вопрос в России. – СПб., 1906. – Т.1, с. 206–207.

⁶Косинский В.А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности. – Прага, 1925. – с. 325.

⁷Полное собрание речей Императора Николая II, 1894–1906. – СПб., 1906. – с. 70.

⁸Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 1–4. СПб., 1906–1917. – Т.1, с. 321–324.

⁹Пушкин А.С. ПСС. Т.8. – Л.: Наука, 1978. – с. 90.

¹⁰Цит. по: Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: Власть и общество. – М.: Посев, 2001. – с. 612.

¹¹Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). – М.: Русский путь. – с. 126–127. (Наше недавнее. Всероссийская мемуарная библиотека. Т.9).

¹²Диагностика российской коррупции: Социологический анализ (краткое резюме доклада). – М.: Фонд ИНДЕМ, 2002. (Полный текст исследования см. в книге «Коррупция в России: понятие, чтобы победить». – М., 2003).

¹³«Основная мысль, проходящая через все оценки экспертов: коррупция в советское время была всеобъемлющей системой, и в этом смысле корни нынешней коррупции были заложены уже тогда» – Диагностика российской коррупции. – с. 6.

¹⁴Зубов А.Б. Об отсутствии государства в современной России // Посев. – 2001. – №3, – с. 10–15. (Частично опубликована в «НГ-Сценарии» 17.01.2001).

¹⁵Зубов А.Б. Собственность и демократия // Независимая газета. – 05.05.2000. (Перепечатка в сборн. Преемственность и возрождение России. – М.: Посев, 2001. – с. 188–195).

¹⁶Вопросу о роли двух субкультур в русской истории посвятили множество исследований Ю.С. Пивоваров. См., например, его (в соавторстве с А.И. Фурсовым) – Русская власть: История и современность // Полития. – №1 (7). – Весна 1998.

¹⁷Thery E. La transformation economique de la Russie. – Paris, 1914.

Вышла из печати 2-я книга из военно-исторической серии «Белые войны»

Каппель и каппелевцы

М.: НП «Посев», 2003. Автор проекта серии – А.Н. Алекаев.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Вторая книга серии «Белые войны» посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. Основу книги составили архивные документы, воспоминания, дневники офицеров частей Волжского стрелкового корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева. Материал разбит по основным этапам гражданской войны в России – боевые действия на Волге в 1918 году, на Урале и в Сибири в 1919 году, Великий Сибирский Ледяной поход в 1920 году. Эти этапы непосредственно связаны с боевой биографией генерала В.О. Каппеля. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотодокументов, а также из частных коллекций. В книге приведены данные о социальном составе частей «каппелевцев», об особенностях комплектования частей корпуса.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48, E-mail: posevru@online.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКАЕВ: «НЕОБХОДИМО ВЕРНУТЬСЯ К ТРАДИЦИОННЫМ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЦЕННОСТЯМ»

Александр Николаевич Алекаев – предприниматель, автор проекта серии книг «Белые Воины». Родился в 1959 г. Окончил Академию народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а также Академию внешней торговли. Студент 3-го курса заочного отделения Свято-Тихоновского богословского института. Мастер спорта СССР, занимался плаванием.

— Александр Николаевич, прежде всего, хотелось Вас спросить, как произошло, что Вы заинтересовались историей России и в частности Белым движением. Что непосредственно натолкнуло Вас именно на этот эпизод русской истории?

— Основным побудительным мотивом к возникновению у меня такого интереса послужил следующий случай. Около пяти лет назад мне была подарена верующими людьми книга «Белый свет России», которая рассказывала, в частности, и об истории Белого движения. Я долгое время не обращал на эту книгу внимания. Только примерно через год мой взгляд упал на нее, и мне стало неловко, что я до сих пор ее не прочитал. Не могу сказать, что у меня сразу возник большой интерес к книге, но я обратил внимание на фотографию одного из офицеров, помещенную в ней. Это была фотография Сергея Леонидовича Маркова. Меня поразил его взгляд, сам его образ. Я мысленно перебрал в своей памяти всех тех русских офицеров – участников Белого движения, которых я знал, но о Маркове я тогда ничего вспомнить не мог. В памяти были только наиболее известные люди – А.В. Колчак, А.И. Деникин, П.Н. Врангель.

Меня очень заинтересовала судьба генерала Маркова. Впрочем, этот интерес возник у меня не на пустом месте. Меня всегда привлекала русская история, история русских воинов, тот промысел Божий, который был в них заключен, то, ради чего они жертвовали своими жизнями. Очень многое об этом я узнал от своего духовного отца, настоятеля Спасского храма Подольского благочиния отца Александра Шумаева. Таким образом, я обратился к истории Русской армии, истории Белого движения далеко не случайно.

Когда я стал изучать этот вопрос, выяснилось, что информации по этой теме – минимум. Приходилось

сбирать ее буквально по крупицам. Я был рад любой книге, в которой находил хоть какие-то факты о таких людях, как А.В. Колчак, С.Л. Марков и др. Однажды я натолкнулся на альманах «Белая Гвардия», издававшийся «Посевом». Это был третий номер, в котором был опубликован в числе других и материал о марковцах. Так я вышел на его редколлегию, и началось наше сотрудничество.

Изначально была мысль, что большинство людей в России ничего не знает о русских патриотах. Они не только забыты, но и оболганы. Появилось большое желание рассказать правду о тех, кто более чем 80 лет назад встал

на защиту русской государственности. Именно так зародилась идея издания серии «Белые Воины».

— Что для Вас наиболее ценно в военной истории России, истории Белого движения, в чем актуальность его исторического опыта для современной России?

— Для меня, прежде всего, ценен духовный мир русских военных, русского офицерства. Люди, многие из которых были очень влиятельны и состоятельны, пожертвовали многим, если не всем ради не осязаемых с материальной точки зрения идеалов – веры, долга, совести, порядочности, патриотизма. Заинтересовало, прежде всего, это. Первоначально казалось, что они совсем другие люди, по сравнению с основной массой наших современников. Но все вышеперечисленные качества существуют и сейчас в нашем народе, только они скрыты слоем неправды того, что происходило на протяжении более чем 70 лет. Если мы будем писать правду, то мы будем давать исторический пример и сможем способствовать духовному возрождению народа, переосмыслению нашей истории.

— Александр Николаевич, какие основные мероприятия в рамках серии «Белые Воины» уже были проведены, что уже было сделано?

– Прежде всего, выпущены две книги нашей военно-исторической серии, посвященные судьбам двух русских офицеров – генералов С.Л. Маркова и В.О. Каппеля. Помимо книг, мы успели подготовить ряд статей о Белых воинах. Эти статьи были опубликованы в «Военно-историческом журнале», журналах «Родина», «Русский дом», газете «Десятинна». С ней у нас намечилось очень активное и интересное сотрудничество в области публикаций.

Сейчас решается вопрос об установке памятника С.Л. Маркову. Его автор – народный художник России скульптор Владимир Суворцев. Рабочая модель памятника Маркову была 17 декабря 2001 г. подарена Академии РВСН им. Петра Великого в Москве. Сейчас она установлена в музее Академии, которая считается преемницей Михайловского артиллерийского училища и Академии, где преподавал до Великой войны С.Л. Марков (См.: «Посев» № 2, 2002.)

13 октября прошлого года в предпразднество Покрова Пресвятой Богородицы в Новочеркасске в Свято-Вознесенском кафедральном соборе был установлен памятный киот с иконой Св. Прп. Сергия Радонежского – небесного покровителя Маркова и марковцев. Сюжет об установке киота был показан по местному телевидению, отношение к этому событию со стороны духовенства и казачества было очень благожелательное, если не сказать восторженное.

– Каково, по-Вашему, значение всех проведенных в рамках проекта «Белые Воины» акций по популяризации русской истории и Белого движения?

– На мой взгляд, один из главных моментов – восстановление преемственности с исторической Россией. Необходимо вернуться к традиционным для российской государственности ценностям. Именно на это направлена вся наша работа.

Основное значение для Российской армии – исправление отношения государства и общества к армии, к «людям в погонах», исправление отношения офицерства самого к себе. В наше время чрезвычайно упал престиж Российской армии. Достаточно посмотреть на современный российский мундир, который не имеет никакого отношения к российским традициям и истории. Именно поэтому большое внимание мы уделяем оформлению книг нашей серии. Необходимо восстановление преемственности во всех областях, в том числе и в униформе. Нынешняя форма – унижение российского офицера. Возвращение к нашим лучшим традициям могло бы поднять уровень и престиж наших вооруженных сил.

– Александр Николаевич, в чем для Вас состоит проблема противостояния «белого патриотизма» и «интернационализма» времен гражданской войны и процветает ли этот вопрос на современную Россию?

– Это связано, прежде всего, с Верой и Самодержавием. Те, на кого опирались большевики-интернационалисты в гражданской войне, были чужды Православной вере: китайцы, мадьяры, латыши и т.д. То есть они были людьми далекими от традиционных для России культурных ценностей. Будучи наемниками, они уничтожали основы традиционной русской государственности: Православие, самодержавный строй и сам русский народ.

Причем это происходит и в наше время, но в других формах. Народ растлевается с помощью определенного рода сюжетов, демонстрируемых по телевидению, в рекламе, в интернете и т.д., попадает в силу этого под влияние многочисленных религиозных сект и лживых социальных систем.

– Кто в настоящее время носитель традиционной русской государственности, идейный продолжатель Белого движения?

– Это русские патриоты, любящие свою Родину не на словах, а на деле и желающие ей процветания. Для возрождения России необходимо то, о чем уже говорилось – восстановление исторической преемственности. Постепенно этот процесс идет. Фактически он начался с понимания необходимости покаяния народа и церковного прославления Императорской семьи.

– В заключение хотелось бы спросить о Ваших ближайших планах в рамках проекта «Белые Воины».

– Необходимо переходить от слов к делу. Хочется сделать очень многое, чтобы изменить общественное мнение и восстановить историческую правду. Сейчас ведется работа над двумя новыми книгами нашей военно-исторической серии. До конца года мы планируем опубликовать ряд статей по русской истории, истории Белого движения. В данное время ведутся работы по созданию сайта «Белые Воины». Это будет не только исторический сайт, на нем будет содержаться и современная информация. Мы планируем активно продвигать наши идеи. Готовится к изданию календарь «Белые Воины». Надеемся, что в этом году будет открыт памятник Сергею Леонидовичу Маркову. При нашем участии в городе Сальске Ростовской области будет открыт кадетский корпус, который будет носить имя генерала Маркова. В прошедшем году нам удалось установить хороший контакт с Всевеликим Войском Донским и его атаманом В.П. Водолацким. Сейчас налаживаем связь с иркутскими казаками. Мы обязательно хотим установить памятный киот генералу В.О. Каппелю в одном из городов Дальнего Востока. Что самое приятное, в ответ на нашу инициативу мы чувствуем встречное движение людей с мест. Мы готовы к дальнейшей работе и готовы к сотрудничеству.

Беседовал Руслан Гагкуев.

Меня всегда привлекала русская история, история русских воинов, тот промысел Божий, который был в них заключен, то – ради чего они жертвовали своими жизнями. Очень многое об этом я узнал от своего духовного отца, настоятеля Спасского храма Подольского благочиния отца Александра Шумаева. Таким образом, я обратился к истории Русской армии, истории Белого движения далеко не случайно.

Юрий Цурганов

«РУССКАЯ ПРАГА»

Вышел очередной, XXXI том «Записок Русской академической группы в США» (Нью-Йорк, 2001–2002 гг.). Номер тематический и имеет подзаголовок «Русская Прага 1920–1945». Помимо введения и «пост-скриптума» данный том имеет 7 разделов: «“Русская акция” помощи», «Президент и русские», «Русские средоточия», «Русский заграничный исторический архив», «Русская Голгофа», «Жизнь русских в Праге» и «Власовское движение».

Доктор политических наук Колумбийского университета Евгений Магеровский во вступительной статье «Русские и Чехия» прослеживает русско-чешские отношения с конца XVIII в. Вырисовывается история взаимного обогащения двух культур. Чешской, когда в период национального возрождения начал восстанавливаться чешский язык и появилась острая нужда в высокой терминологии, для чего обратились к русскому языку, как единственному тогда независимо существующему славянскому языку. И русской, в период эмиграции из Австро-Венгрии в Россию образованных и профессионально подготовленных чехов, которые «сразу же нашли себе применение в растущем русском хозяйстве и очень скоро стали желанными людьми».

По-новому стали складываться отношения после обретения чехами национальной независимости вследствие падения империи Габсбургов и утраты национальной независимости русскими вследствие большевизмского переворота. Теперь уже Прага встречала эмигрантов из России, которые тоже находили теплый прием. Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. анализирует доктор Иван Савицкий. «Русская акция» помощи, проводимая по инициативе президента Т.Г. Масарика, была направлена на поддержку и сохранение русской интеллигенции. Был создан Русский народный (свободный) университет, Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русское высшее училище технических связи, Русский юридический факультет, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича и другие научные и учебные учреждения, а также средние и специальные школы, гимназии.

Русские ученые работали и в системе чехословацкого образования и чехословацких научных институтов. Р. Якобсон, Н. Кондаков, Д. Чижевский, Г. Вернадский, С. Прокопович, П. Струве, П. Богатырев, П. Савицкий, Н. Лосский, П. Сорокин и др. стали научными светилами мировой величины. В рамках «Русской акции» были поддержаны такие представители культуры как И. Бунин, Д. Мережковский, К. Бальмонт, И. Шмелев, М. Цветаева и др. Складывались ассоциации русских литераторов, например «Скит поэтов». Выходили многочисленные русские газеты и журналы, работали книгоиздательства. Русские художники выставлялись совместно с чехословацкими коллегами по цеху. Большая группа русских архитекторов и инженеров-строителей работа-

ла в составе Союза чешских инженеров и архитекторов (СИА). Большим успехом, несмотря на языковой барьер, пользовались выступления Пражской группы МХАТ, Пражской драматической группы, Русского камерного театра в Праге.

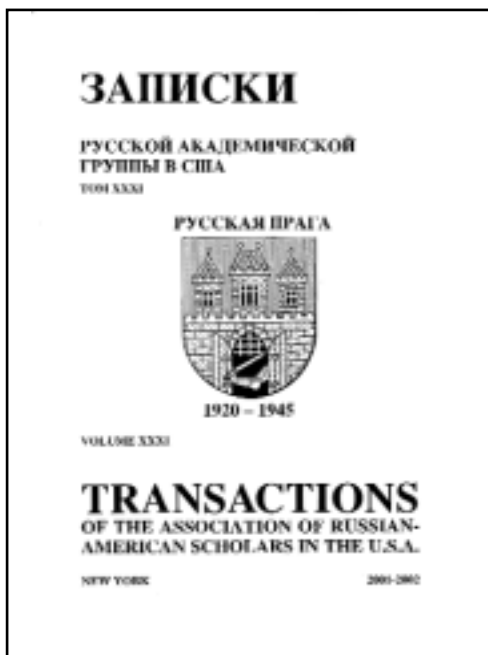
Общая сумма, выделенная из государственных средств ЧСР на нужды «Русской акции», составляла почти 5% среднего годового бюджета страны в 1919–1938 гг. Всю значимость и благородство этой политики можно до конца оценить с учетом того, что русская культура не могла полноценно развиваться в тоталитарном СССР.

Историю политики ЧСР в отношении русских эмигрантов и ее результаты подробно реконструировали доктор Зденек Сладек, сотрудник Славянского Института

Любовь Белошевская и доктор Карлова университета в Праге Милуша Бубеникова (раздел «“Русская акция” помощи»). Отношения президента Масарика с российской эмиграцией как отдельную проблему выбрала для исследования магистр наук Карлова университета Анастасия Копришова (раздел «Президент и русские»).

Статья И. Савицкого «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг.» открывает раздел «Русские средоточия». Работа посвящена периоду формирования «русской Праги» как интеллектуального центра. Автор делает вывод, что в течение первых 5–6 лет Прага была центром подготовки кадров для будущей России. При этом он исходит из специфики формирования пражской русской колонии. ЧСР была единственной страной в мире, которая целеустремленно и последовательно формировала «свою» эмиграцию, приглашая желательных лиц. Приглашения в частном порядке имели место и в других странах, но только здесь это стало широко задуманным государственным мероприятием. В значимых эмигрантских центрах других стран приглашенные составлял десятые, если не тысячные доли процента от общей численности эмигрантов, тогда как в Чехословакии они составляли не менее четверти всей русской колонии. Это была целенаправленная политика Масарика, обусловленная геополитическим положением его страны, нуждавшейся в гарантиях и с Востока и с Запада, что было возможно только при условии корректного сотрудничества Востока и Запада. Чехословацкий президент считал необходимым всемерно содействовать возникновению сильной, демократической, федеративной России. «К сожалению, – пишет Савицкий, – будущее развитие полностью оправдало предвидения президента. Запад предал Чехословакию в 1938 г., СССР оккупировал ее в 1968 г...» (с. 90).

Раздел «Русские средоточия» продолжают публикации В.П. Борисова, В.А. Волкова и М.В. Куликова «Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии» и «Персоналии: Российские ученые-эмигранты в Чехословакии (Обзорные фонды российских архивов)». Эти публикации осуществлены в рамках исследования по проекту «Эмиграция

ученых из России в Европу». Исследователями выявлено 127 персоналий: философов, юристов, экономистов, историков, филологов, биологов, химиков, медиков, физиков, математиков и др. Все они были выпускниками ведущих учебных заведений (преимущественно университетов) Российской империи и зарубежных стран. Приведены новые данные о численности русских студентов в разных городах ЧСР за разные годы, а также сведения о том, что чехословацкий Красный Крест проявлял заботу о них (перепись с целью выяснения условий быта и нужд русских студентов). Авторы подтверждают вывод Савицкого: «Масарик был уверен в недолговечности советского режима: одной из главных целей “Русской акции” было сохранение старых и ускоренная подготовка молодых кадров для будущего строительства постбольшевистской России. Однако новый строй оказался более жизнеспособным, чем предполагали организаторы “Русской акции”» (с. 144).

Исследователи опирались на материалы Государственного архива РФ (Москва), Центрального исторического архива (Москва), Центрального исторического архива (Петербург), Государственного архива (Киев), Государственного архива Одесской области, Российского государственного военно-исторического архива (Москва).

Далее в разделе «Русские средоточия» приводится фрагмент из книги «Памяти Владыки Сергея Пражского» (Нью-Йорк, 1987 г.) Ольги Раевской-Хьюз. Материал построен на воспоминаниях профессора Н.Е. Арсеньева и митрополита Евлогия (Парижского).

М. Бубеникова посвятила очередную статью эмигрантскому периоду жизни и творчества литературоведа А.Л. Бема. Живя в Чехословакии с 1920, он преподавал в Карловом университете, сотрудничал в журналах «Русская школа за рубежом», «Вестник Русского педагогического бюро» и др. Был руководителем и наставником литературной группы «Скит поэтов», добился признания чешских академических кругов. Бем был арестован сотрудниками советских спецслужб 16 мая 1945 г. и, предположительно, вскоре застрелен даже без формального предъявления «обвинения», по другим сведениям – погиб в ГУЛАГе. (Более подробно о судьбе Бема по окончании войны Бубеникова рассказывает в другой статье данного тома, помещенной в разделе «Русская Голгофа».)

Статья доктора филологических наук, профессора Владимира Агеносова посвящена Союзу русских писателей и журналистов в ЧСР – организации «профессиональной и беспартийной», которая не была «ни политическим обществом, ни художественным трибуналом».

Деятельность пражского Земгора (Объединения Российских земских и городских деятелей) исследовала Е.П. Серапионова. В основе создания российского Земгора в Праге в 1921 г. лежала идея организации помощи беженцам из России с тем, чтобы обратить внимание мировой общественности и правительств на положение беженцев, изыскать средства для оказания им помощи, организовать эмигрантские массы с целью сохранить их для будущей России. Средства Земгора складывались преимущественно из ассигнований учреждений, главным из которых был МИД ЧСР; членские взносы имели символический характер. Основными тремя направлениями работы Земгора были: материальная помощь особо нуждающимся, содействие в трудоустройстве и культурно-просветительская работа. Согласно выводу автора, основная заслуга Земгора состояла в том, что он смог организовать пеструю массу эмигрантов и добиться помощи от чехословацкого правительства и Лиги Наций.

Проблему российского медицинского зарубежья выбрал для изучения М.Б. Мирский. Медиками были от 8 до 10% от общего числа русских студентов в ЧСР. На 10 год пребывания в республике (1931 г.) большинство из них, уже сложившихся специалистов, приняло чехословацкое гражданство, что облегчило молодым русским врачам «вхождение» в жизнь страны пребывания. Помимо повседневной врачебной практики активно развивалась и научная деятельность. Так, например, Ф.Н. Досуев, ставший доктором медицины, зарекомендовал себя как видный ученый-невролог, автор около 100 научных работ.

Закрывает раздел «Русские средоточия» статья Елены Кральной (Недзведской) об учащихся Чешского высшего технического училища в Праге и его выпускниках.

Раздел «Русский заграничный исторический архив» (РЗИА) представлен статьями А. Копршиовой и Владимира Быстрова. Здесь же опубликован годовой отчет РЗИА за 1936 г. Будучи основанным в 1923 г. в Праге, архив стал крупнейшим хранилищем печатных и рукописных материалов русской эмиграции, ценнейшим источником по истории русской общественно-политической мысли, революции, Белого движения, русского зарубежья. В октябре 1945 г. по постановлению СНК СССР документальные материалы поступили в ведение МВД СССР. (Формально архив был передан чехословацким правительством «в дар Академии наук СССР в связи с ее 250-летием».) Документы использовались МВД в своих интересах. Фонды РЗИА находились в составе Центрального государственного архива октябрьской революции (ЦГАОР), исследовательская работа с ними требовала особого допуска. В 1970-е фонды были распределены между разными архивами СССР по тематической принадлежности материалов. Ныне основная часть находится в Государственном архиве РФ и вполне доступна для исследователей.

Раздел «Русская Голгофа» открывается статьей В. Быстрова «Предательство долгое, длящееся полстолетия». Автор считает, что широкая гуманная акция приема русских эмигрантов была все же прагматична. Кроме того, с укреплением советского режима политические цели духовных отцов «Русской акции» быстро исчерпались. Во второй половине 1940-х гг. чехословацкая разведка передавала НКВД информацию о русских эмигрантах, чем облегчала их преследование.

Эту тему развивает А. Копршиова-Вуколова («Судьбы русской эмиграции в Чехословакии после 1945 года»).

Статья С.Г. Тилли посвящена генералу Чехословацкой армии русскому эмигранту С.Н. Войцеховскому. Впервые Войцеховский, в то время полковник, связал свою судьбу с чехами в мае 1918 г. под Челябинском, когда возглавил чешский отряд легионеров в составе 800 человек. Войцеховский был автором ультиматума Екатеринбургскому реввоенсовету о сдаче города и выдаче царской семьи. После отклонения ультиматума Екатеринбург был взят при решающем участии чешских легионеров. Прибыв в Чехию вместе с возглавляемым им контингентом, Войцеховский был назначен командующим одним из военных округов, в 1928 г. получил звание генерала армии. Немецкую оккупацию он провел «тихой жизнью отставника-пенсионера». После смены оккупационного нацистского режима на большевицкий генерал был арестован и депортирован в СССР, где умер в одном из воркутинских лагерей.

Завершают раздел воспоминания Татьяны Рейзер (дочери А.Л. Бема) «В водовороте» – о трагической судьбе русских пражан, преследуемых НКВД после II мировой войны.

В отдельную группу собраны материалы о жизни русских в Праге. Здесь помещен еще один фрагмент мемуаров Т. Рейзер. Их продолжают «Воспоминания историка 1920–1945 гг.» проф. Сергея Германовича Пушкарёва, уже вышедшие отдельной брошюрой в издательстве «Посев» в Москве, и статья А. Копршиновой «Российские эмигранты во Вшенорах–Мокропсах–Черношицах (двадцатые годы 20-го века)».

Особый интерес у российского читателя должен вызвать раздел «Власовское движение». Здесь представлены воспоминания офицеров РОА Николая Покровского, Михаила Шатова и Владимира Позднякова. Во всех трех публикациях присутствует тема участия власовцев в пражском восстании против нацистов – факте, долго замалчивавшемся советской пропагандой. Помещенная здесь же статья кандидата исторических наук Кирилла Александрова «Власовцы в Пражских боях. Неизвестные страницы Пражского восстания 1945 г.» реконструирует эти события на основе обширного круга научной литературы, опубликованных источников и документов Центрального Архива Министерства Обороны РФ.

«Власовский раздел» завершает заметка Ростислава Полчанинова о гвардейском маршевом батальоне РОА в Пскове, где 22 июня 1943 г. впервые после гражданской войны был поднят русский бело-сине-красный флаг. Этот факт вызвал крайнее беспокойство Сталина и его окружения, что может служить наилучшим свидетельством о потенциальных возможностях Власовско-

го движения, развитию которого Гитлер препятствовал на всех этапах войны, считая русское национальное возрождение крайне нежелательной альтернативой большевизму.

«Пост-скрипtum» XXXI тому «Записок Русской академической группы в США» составляет публикация доцента Педагогического университета им. А.И. Герцена Ольги Демидовой «Екатерина Брешко-Брешковская в Чехословакии (Письма к Ирен Дитрих, 1924–1934)» и воспоминания Петроника (П.Н. Савицкого) о А.С. Ломшакове. Письма «Бабушки русской революции» Брешко-Брешковской написаны по-английски и опубликованы на языке оригинала. Они дают дополнительную информацию о жизни видных деятелей левого крыла русской политической эмиграции в разных странах.

Фигура Ломшакова примечательна в частности тем, что он, опираясь на свою репутацию заслуженного профессора Санкт-Петербургского политехнического института им. Петра Великого, стал главным администратором «Русской акции» и добился от чехословацкого правительства бесплатного образования для молодых эмигрантов – бывших чинов Добровольческой армии.

Некоторые материалы, вошедшие в данный том «Записок», частично дублируют друг друга, что в той или иной степени неизбежно при составлении любого сборника. Это отнюдь не снижает научного и культурного значения всей публикации, собравшей воедино то, что заинтересованному читателю искать в разных местах было бы очень трудно.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Роман Шухевич

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЧАЛА ВЛАСОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЁЛ ВЕЧЕР ПАМЯТИ «ДВАЖДЫ ПРОКЛЯТОГО ГЕНЕРАЛА»

60 лет назад в марте 1943 г. в Дабендорфе под Берлином открылась школа русских пропагандистов, ставшая центром Освободительного движения народов России. Этому предшествовала «Смоленская декларация» генерала Андрея Андреевича Власова 27 декабря 1942 г., призывавшая красноармейцев вступать в Русскую освободительную армию (РОА), которая реально ещё не существовала. В память об этих событиях 19 марта с.г. в Петербурге прошёл вечер памяти генерала Власова.

Что и говорить, мероприятие хоть и не масштабное, но выдающееся, сложнопредставимое не только в прежние времена, но и в современной России, поскольку на официальном уровне Власов продолжает числиться «врагом народа». Для того, чтобы изменить этот стереотип восприятия, а также молитвенно помянуть восставшего генерала, и был проведён вечер памяти.

Небольшой зал кинотеатра «Свет» был заполнен людьми разного возраста. Все без исключения спокойно и с интересом слушали короткий, но емкий рассказ историка Кирилла Александрова о Власовском движении. После этого был показан фильм «Власов – дважды проклятый генерал». (Совместный проект режиссёров Пауля Бетке и Павла Сергеева. Берлинская киностудия «Зебра» и петербургский Лентелефильм.) Впервые фильм был показан в ФРГ в феврале 1995 г., а в России – только в конце 2002 г. по ОРТ, да и то частично. В кинотеатре же картину продемонстрировали полностью. Фильм очень спокойный, объективный, взвешенный – в нём о Власове и Власовском движении говорят бывшие бойцы РОА, советские офицеры, бывшие офицеры Вермахта и СС, американские и английские дипломаты, ветераны армий США и Великобритании – живые свидетели тех лет. Говорят и «за» и «про-

тив», но куда больше описывают и объясняют события более чем полувекковой давности, полные трагизма, крови и боли сотен тысяч и миллионов людей.

После фильма состоялось выступление священника Русской Православной Церкви отца Георгия (Митрофанова): «К поступкам генерала Власова можно относиться по-разному. Но можно также взглянуть, как относятся немцы к аналогичным событиям в Германии во время II мировой войны. Группа немецких офицеров организовала заговор против Гитлера 20 июля 1944 г. Они совершили покушение на Гитлера, по чистой случайности закончившееся неудачей. Если посмотреть на эту попытку с формальной стороны, это был бунт против законно избранного канцлера, прямое нарушение военной присяги. К тому же их поступок был совершён в условиях военного времени, причем в тяжелейший период – летом 1944 г. союзники высадились в Нормандии, а Красная армия уже вступила в Польшу. Тем не менее, в современной Германии эти офицеры-заговорщики почитаются как люди, благодаря которым немецкая нация сохранила лицо. В России же к Власову, во время войны поднявшему протест против сталинизма, сейчас совсем другое отношение. И здесь уместно привести слова Солженицына: «Ничего не стоил бы русский народ, если бы, получив от Сталина оружие, не попытался бы поднять это оружие против Сталина»».

Собравшиеся сошлись во мнении, что трансформация оценки личности генерала Власова и его соратников не предусматривает негативистского отношения к тем, кто сражался в Красной армии. Отцом Георгием была отслужена панихида по всем воинам, павшим в те годы за родину, хотя и по разные стороны фронта.

Поправка. В № 2 за 2003 г. была допущена досадная опечатка. В статье Л. Флам «Сеятель» следует читать: «Новосильцов». Редакция приносит свои извинения автору и читателям.